

A woman with long dark hair, wearing a vibrant red, floor-length, one-shoulder dress with a draped bodice, stands on a dark stone staircase. She is leaning her right hand on a dark metal railing. The background shows a weathered brick wall and a bright, hazy sky. The overall mood is dramatic and artistic.

СТЕРВАМ СЛОВА НЕ ДАВАЛИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЮЛИЯ ФЛЁРИ

18+

Юлия Флёри

Стервам слова не давали

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42176444

SelfPub; 2019

Аннотация

Новая влюблённость это хорошо, ответное, взаимное чувство – прекрасно, но что делать, если возлюбленный ведёт себя отстранённо? Можно, например, попытаться уловить скрытый смысл его тонких намёков, но если эти намёки настолько прозрачны, что улавливать в них, по сути, нечего? Что, если решительных шагов сам он не предпринимает, а встречные расценивает как нечто неприемлемое? Мужчины существа сложные, женщины – непонятные, невероятные, а когда мужчины и женщины становятся одним целым, рождается новая, необузданная стихия. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	17
Глава 2	27
Глава 3	51
Глава 4	74
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Пролог

День рождения грустный праздник. А если день рождения приходится на середину дождливого, сырого и понурого марта, то грустно становится вдвойне. А если к уже имеющемуся прибавить заведомо плохое настроение, отсутствие именно в этот день в городе твоих друзей и, в принципе, нежелание праздновать, то получится как раз моя история.

Нет, раньше было не так, но как именно было, я уже не помню, потому что это самое «раньше» случилось слишком давно и я всё чаще склоняюсь к той версии, что, и вовсе, неправда. Но вернёмся ко дню сегодняшнему и посочувствуем мне молча. Только вот я сама молчать не люблю, не мой это стиль, за что, собственно, и наказана пожизненным отсутствием желающих поздравить. Да что там друзья!.. Даже мама не хочет в этот день побыть со мной, потому что (дословно): «Я не могу выносить твой дрянной характер и выслушивать все претензии к создателю, да и к простым смертным». И именно поэтому маман отделалась лаконичным до неприличия поздравительным сообщением на телефон, в виде слова «Поздравляю» и даже без восклицательных знаков. Но! Всё не так уж и плохо. Всё же этот день, такой чудесный и неповторимый, встречать одной мне никогда не приходилось. Зря, что ли, сына родила? Вот и я говорю, что не зря! Мой хороший мальчик, мамку никогда не бросит, и с

удовольствием послушает все претензии и к создателю, и к простым смертным, и даже ни разу не пикнет и не заткнёт мне рот тортом. Ну, хотя бы по той причине, что никакого торта не предполагается... Зато предполагается любимое им и мной в особенности, наличие печенья «Безе». Да ни какого-то там купленного в супермаркете, а самого, что ни на есть настоящего, домашнего, с едва заметной коричневой, а если быть эстетом, то можно сказать даже с золотистой или кремовой корочкой. Лёгкого, воздушного, ароматного... (Ванилин на что?). И никаких тебе красителей, меланжа и всяких там «Е». И совсем не важно, что нынешние продукты оставляют желать лучшего, и что фабричные несушки питаются не понятно чем! А, вообще, я свято верю, что любовь, которую мы вкладываем, положительную энергетику, которую отдаём при приготовлении блюд из этих самых подозрительно больших яиц, избавит от злополучного ГМО и всей той дряни, которой нас так часто пугают с экранов телевизоров. Внимание! Предупреждение: телевидение зло, выйдите на улицу и прогуляйтесь на свежем воздухе! И за это вам скажет спасибо не только спина, ясная голова, но и многострадальная попа, которая, как всем нам известно, не может оторваться от насиженного места, чуть только видим перед собой диктора новостей, любимого героя сериала или популярную звезду современной эстрады.

Так вот, со всеми этими мыслями (нет, не с теми, что про телевидение и ГМО, а, как раз-таки, про коричневую или зо-

лотистую корочку, уж, как кому нравится) я и отправилась на рынок за свежайшими продуктами птицефабрики. Кстати, а вы знали, что на рынке до сих пор можно увидеть яйца не в пластиковых контейнерах, а в тех самых, картонных ячейках, так знакомым нам с детства? Я, если честно, не знала. И, вообще, не понимаю, какой чёрт дёрнул меня двинуться на этот рынок, да ещё и пешком! Видимо, хотела хоть как-то скрасить свой знаменательный праздник – тридцатидвухлетие. Да, мне тридцать два! И, на самом деле, пугает в этом не цифра, а сам факт несправедливости, тот самый, когда ты спрашиваешь себя: «почему именно я, а не вон та восемнадцатилетняя особа?!» Скрипнув зубами, ссылаясь всё на ту же несправедливость, пришлось проводить недовольным взглядом привлекательных молоденьких особ. Но это так, отвлечение.

Я пошла на рынок и, знаете, подняла себе настроение: столько раз, что я красавица, не слышала никогда прежде. И это при том, что кроме умывания и увлажняющего крема, других стрессов с утра моя кожа не натерпелась. А вообще, стоило негодующе вздохнуть: чего только не скажут продавцы, чтобы завлечь покупателя, но ничего, не на ту напали и в зеркало на себя я перед выходом насмотрелась, потому и надвинула козырёк спортивной сыновьей кепки аж на самый нос. И нет в том, что попользовалась я его гардеробом ничего предосудительного, я ведь приготовлю любимые печеньки и он мне всё простит.

Сегодня я, вообще, постаралась не выделяться из толпы и напялила неприметные старенькие джинсики, такую же джинсовую куртку, возможно, это даже комплект... был когда-то, беленькие кроссовочки, которые тут же стали грязно-рыженькие, как раз в тон асфальту, где я их и заляпала, пока пыталась перепрыгнуть лужу. Лужу-то я, разумеется, перепрыгнула, правда, при этом обрызгала себя и ещё какую-то тётеньку, лет пятидесяти, получила от неё лестный отзыв в виде выкрика «шпана малолетняя», улыбнулась последнему слову «малолетняя», но, вспомнив о её почтенном возрасте, поняла, что радость преждевременная.

Короче! Нет, это слово я не люблю и, как истинный ценитель русского языка, старюсь не употреблять, но что-то сорвалась... И если ближе к теме, то я штудировала рыночные ряды на наличие куриных яиц. Надо сказать, что, не бывая на рынках столько лет, многое потеряла и обязательно исправлюсь. Вот, прямо сегодня исправляться и начну. Напробовалась химического винограда, при этом по-настоящему беспокоилась, что как только отойду от лотка с фруктами, тут же получу нагоняй от продавца. Не получила, и на том спасибо, правда, улепётывала быстро. Мясные ряды привлекали мало, ведь есть свои надёжные поставщики, где могу лицезреть не только мясо в готовом виде, но и убедиться, что оно именно мясо! Глядя на то, как это самое мясо, только пока ещё на лапках или копытах скачет по полю, а не нечто нашпигованное влагоудерживающими добавками. Да, у меня

есть знакомой фермер, который, по совместительству, ярый борец за здоровый образ жизни, поэтому, покупая то самое мясо, я всегда остаюсь довольна. И вот, наконец, я добралась до яиц. Выбор огромен, но вот яйца не впечатлили, в отличие от тех самых картонных ячеек, о которых я упоминала чуть ранее... вот это да! Вот это находка! И, естественно, купила именно этот картонный лоток и категорически отказалась к нему в довесок брать пакет, куда эти яйца можно было бы потом переложить. Ещё чего! Разобьются ведь! И с этим лотком в руках, как с самым настоящим караваем для новобрачных, шла через весь рынок и меня ни разу не толкнули, не пнули и даже не задели сумочкой. Той самой дамской сумочкой, в которую помещается пять буханок хлеба, три бутылки молока и пирожок. И вся такая довольная, я открыла неоткрывающиеся двери, выслушала, как они недовольно скрипнули, несмотря на всю свою пластиковость, и опасно прихлопнулись за моей спиной.

И вдруг тут, о, горе, за честь случайно улетевшего от первого же порыва ветра чека на яйца, вступилась моя совесть и чистоплотность, будь она неладна! Как же, ну... ну, как же я могу пройти мимо, зная, что только что намусорила?! И ведь не прошла! Потянулась за этим самым чеком, который, на моё счастье, улететь далеко не успел, а приземлился в ближайшую лужицу. Подняла его, выписывая чудеса акробатики с лотком яиц в руках, как порядочная гражданка нашей страны, выбросила в мусорную корзину. После чего, с

чувством преисполненного долга развернулась, дабы направиться домой, но ведь это же я! Это же мой день рождения! Это же середина дождливого марта!..

Я стояла и разглядывала, как мои не случившиеся «бешки» растекаются по широкой мужской груди... Я сожалела, я мучилась, я едва не расплакалась от несправедливости в собственной жизни. Вот они, мои беленькие, с коричневой корочкой, растекаются, смешиваются со скорлупой, с непригодным для этого желтком... Смешиваются и теперь не будет моих любимых печенек, не будет положенного угощения на день рождения, но будет нагоняй от сына за то, что кепку его взяла, а взамен ничего полезного домой не добыла! Вот я так стою и разглядываю, думая только о своей беде, и далеко не сразу заметила из-под длинного, скрывающего пол-лица козырька, что неудачный день сегодня не только у меня, но и у того, кто сейчас стоял напротив. Стоял, истекая куриными яйцами, которые, несмотря на всю свою внешнюю надёжность в виду плотной скорлупы, безжалостно и бесповоротно испортили... Ух, испортили дорогущее пальто. Знаю, что дорогое, сыну такое же присматривала, только он отказался, ссылаясь на то, что ещё не студент и респектабельность ему не с руки, и мы купили качественный и не такой дорогой пуховик. И вот смотрю я на эту жертву моего неудавшегося праздника, но взгляд поднять не решаюсь, хотя, не то, чтобы именно не решаюсь, скорее, просто не хочу. Не хватало ещё и тут разборок. Скривившись, приценившись, я глубоко-

ко и особо горестно вздохнула, но, не подумайте, сожалела всё о том же: о своих печеньках, но, зная, что виновата, не смогла уйти. Нерешительно посмотрела направо, налево, за свою спину, наконец, на губы незнакомца (а это всё то малое, что смогла рассмотреть в мужчине из-под кепки), и губы эти не пытались меня обругать и проявить чудеса русского языка, такого многогранного и многострадального. Они кривились, пытаясь выдать усмешку, но, видимо, так же, как и я, понимая, что пальто испорчено, не решались на это и хотели выразить какую-то скорбь, что ли... по утраченной чистоте одеяния. И хозяин этих губ терпеливо ожидал, пока я приму хоть какое-то более-менее здравое решение. Не торопя, не претендуя на что-то и, браво, дождались! Позади себя, слева от входа в рынок я заметила банкомат и, как нашкодивший школьник, опустив голову, поплелась к нему. Только потом догадалась, что мои действия могли быть инкриминированы как побег, но побег этот никто предотвратить не пытался. Глаза у меня, что ли, честные? И вернулась я к этому мужчине, стоящему в неизменной позе, не пытавшемуся отряхнуться от уродства на дорогом пальто. Ещё тысячу раз готова повторить, что оно дорогое, потому что от его цены с множеством ноликов рябит в глазах, а он молчит и не пытается вытрясти из меня душу. С ещё одним виноватым вздохом уверенно протянула ему пяти тысячную купюру, понимая, что там хватит не только на чистку, но и на чай, буркнула негромкое «извините», и обошла стороной. Постепенно

но мой шаг ускорился, так как мысль о том, что с меня могут потребовать ещё и моральный ущерб, пульсировала с завидным постоянством. И лишь оказавшись за дверью родного подъезда, смогла нормально выдохнуть, пустила скупую слезу, которая тут же была уничтожена джинсовым рукавом куртки, и поднялась в квартиру.

– Что это было, ты сейчас понял? – Усмехнулся мужчина, глядя сверху вниз на яйца, стекавшие нарочито медленно, не желая покидать так полюбившееся им чёрное полотно.

– Кажется, о яйцах она сожалела намного больше, чем о твоём внешнем виде. – Хохотнул его спутник, окидывая взглядом бело-жёлтую «красоту».

– Мне тоже так показалось.

Мужчина, пытаясь не перепачкать ещё и костюм, снял пальто и кинул помощнику, ему же в руку сунул и купюру, которую до этого неуверенно мял пальцами.

– А кто это такая? Лицо знакомое. – Вдруг пробормотал, вспоминая забавную девчушку.

Улыбнулся своим мыслям, покачал головой, забавляясь комичности ситуации, и тут же о своём вопросе забыл, не обращая внимания на то, как помощник дежурным тоном отрапортовал «выясним» и скрылся с глаз.

– Гоша, ну, ты едешь? – Влетел в кабинет хмурый мужчина лет сорока, с возмущением глянул на копавшегося в бу-

магах друга и тут же уселся на стол.

– Я же сказал, что не поеду. Марат, не зли меня. – Рыкнул, не отрывая взгляд от бумаг, товарища со стола толкнул.

– Вот, кстати, если тебе бумажки дороже живого человеческого общения, почитай ещё. Мазур передал.

И перед мужчиной поверх бумаг плюхнулась тонкая папка.

– Что ещё?

– Сказал, твоё поручение. – Пожав плечами, ответил Марат и сам, не ожидая приглашения, сунул нос в эту самую папку.

– Раньше смотреть нужно было, теперь нечего. – Папку перед носом захлопнул и отвёл её в сторону, добиваясь уединения.

– У тебя явный недостаток ласки, Гош, давай вызову девочек, пусть плечи помнут. – Потянул Марат лениво. – Глядишь и успокоишься, а то и озвереть недолго.

– Я тебе сейчас озверю. – Шутливо замахнулся Гоша, но тут же глянул в папку и нахмурился. – И что это такое?

Подтянул к себе телефон внутренней связи.

– Мазур, я не понял... Что ты мне передал?

– ...

– Я просил? А ты ничего не путаешь?

– ...

– Ах, пальто, – Гоша тихо рассмеялся, припоминая вчерашний случай, – тогда... почему так долго?

– ...

– Ладно, не гунди, всё.

Глянул на Марата.

– Заняться им больше нечем!

Швырнул папку на стол и тут же притянул её к себе обратно – всё же любопытство взяло верх.

– Так... – Скривил губы, улыбнулся, снова скривился. – Читаева Лариса Витальевна... А ничего так, симпатичная. – Посмотрел критически на маленькое фото. Такое, как для отдела кадров, но снова улыбнулся, глядя на такую же улыбающуюся мордашку этой самой Ларисы.

– Как? Читаева? – Хмыкнул Марат. – Тогда факт симпатичности её единственное достоинство, с которым, кстати, тоже можно поспорить.

– Знаешь её?

– Имел неудовольствие общаться. К счастью, это было всего один раз.

– Что? Так страшна в гневе?

– И, поверь, не только в гневе. Зверь, а не баба. Помнишь, к нам обращался Филимонов, ресторатор?

– Так это года два назад было. – Нахмурился Гоша, припоминая, и тут же вскинул на друга заинтересованный взгляд.

– Так вот, он тогда пытался отбить территорию у этой самой Читаевой. – Марата заметно передёрнуло, чему он рассмеялся. – Видишь, – хмыкнул, – меня до сих пор трясёт, как вспомню эту мегеру. И, главное, ведь ничего такого не

сказала, а осадила без шансов всплыть.

– Да, да, помню, этот Филимонов потом отказался от наших услуг. – Гоша напряжённо потёр виски.

– И это к счастью, иначе малой кровью мы бы не отделались. Эта коза тогда такие связи подняла, что Филимонов серьёзно подумывал из страны мигрировать.

– Такая блатная?

– Да нет, там люди-то не особо и влиятельные, но слишком конкретные и прямолинейные. С нами, конечно, не тягаться, но Филимонов сдрейфил. Коза, одним словом.

– Так, Лариса Витальевна, значит...

– И прекрати раз за разом называть её имя, оно меня раздражает! Бывают же такие отвратительные сочетания. – Выругался и натурально скривился.

– Мне кажется, ты предвзято к ней относишься. – Рассмеялся мужчина.

– Да стерва она.

– Стерва – это не диагноз, а недостаток любви. Любую стерву можно приручить. Главное ласки, ласки побольше. – Широко улыбнулся Гоша, вкладывая в свой голос эту самую ласку. – И, вообще, ты на встречу опаздываешь. Давай, топай.

– Что я им скажу? Всё и так ясно. Сколько можно одно и то же перекладывать с полки на полку?

– А я им что скажу?! Ты мой заместитель или кто? Иди, замещай. – Нахмурился Гоша и грозно зыркнул на Марата,

а тот громко рассмеялся этой грозности, отсалютовал ладонью, отдавая честь, и скрылся за дверью.

– Лариса Витальевна, ты моего зама напугала, – усмехнулся он фотографии. – Тридцать два года, сыну пятнадцать... Мужа нет, работа есть. Стандартная современная женщина. – Вздыхнул. – Засунуть бы вашу самостоятельность туда, откуда вы её достали, Лариса Витальевна.

Захлопнув тонкую папку, швырнул её в нижний ящик рабочего стола. Как раз туда, где лежат все ненужные безделушки, коньячные бутылки, утаившиеся от уборщицы, и пепельница с чьими-то окурками.

– Что?! Аня! – Прорычал по коммутатору. – Какая тварь курила в моём кабинете?!

– Марат Юнусович. – Последовал короткий ответ.

– ... Понятно. Как приедет скажешь.

Только расстроился не из-за того, что кто-то в принципе курил, а оттого, что сам-то он бросил, а вот такая провокация заставляет нервничать и вспоминать о пагубном пристрастии. Правда, удержался, перетерпел злость, обиду за подставу от, казалось бы... лучшего друга. Отдышался.

– Аня! – Крикнул на весь кабинет и дверь в приёмную тут же распахнулась. – Убери здесь срач, я приеду через час, чтобы даже запаха не было! – Руками развёл и брезгливо поморщился.

Аня понимающе покивала, молча посочувствовала и тут же вызвала уборщицу, у которой как раз и припасён отлич-

ный освежитель воздуха, спасающий вот от таких форс-мажоров.

Глава 1

Не люблю жару! И дождь не люблю, и мороз. Но жару больше, потому что всё вокруг плавиться, излучая ещё большее, но уже переработанное тепло. Я по-настоящему мучилась душой и телом, пока добиралась от машины до спасительной прохлады ресторана. И совсем не важно, что там пройти-то всего ничего. Не люблю и всё! Вошла, нахмурилась, так как не увидела должной имитации трудовой деятельности, а мои сотрудники висели на барной стойке, словно сонные мухи. Будто не я, а они только что с этого пекла. На мои хмурые брови даже не отреагировали, и изнутри как-то сразу подскочила температура, в разы превышающая ту, что я только что перенесла.

– Какого чёрта?!

Скорее, возмутилась, нежели крикнула я, шмякнула сумочкой о ближайший столик, скрестила руки на груди и приняла угрожающую позу. Но, видимо, она была не такая уж и угрожающая, потому что эти «мухи» не то, что не испугались, они даже не пошевелились! Собственно, пугаться они и не должны, не этого я добивалась, но уважать могли бы и более наглядно, по крайней мере, раньше справлялись.

– Лариса Витальевна, нас закрыли. – Вымучено пискнула администратор Аллочка.

Милейшая особа, от одного вида на которую у большин-

ства клиентов пропадают претензии, причём, как у мужчин, так и у женщин.

– Что значит закрыли, почему?! – Не меняя позы я выделила её из толпы, бесповоротно определяя жертву. Аллочка как-то сразу подобралась и принялась активно жестикулировать в слабой попытке рассеять моё внимание.

– Приходил инспектор пожарной охраны, только не Дубин, который бывает обычно, а самый главный. Помните, тот, который с усами? Правда, он сейчас без усов, но всё такой же придирчивый и...

– Стоп! При чём здесь вообще усы?! Что он хотел? У нас масштабная проверка была две недели назад.

– Я ему так и сказала, а он всё пишет, пишет протокол, головой покачивая, отвечает, мол, внеплановая. Прошёлся по помещениям, черкнул что-то пару раз в блокнотике. От кофе отказался, от воды тоже, выписал какие-то квитанции и сказал, что мы закрыты до исправления несоответствий.

– Что значит несоответствий?! У меня всё по последнему слову техники! Почему не позвонили? Где Лёня?! – Метнулась в сторону кабинета директора, но вовремя осеклась.

– Леонид Михайлович с женой на курорте. Уже неделю как. – Заговорщицким шёпотом уточнила Аллочка, чем меня смутила: смотрела так, словно я в их постель влезла.

– Нет, а, подлец! – Махнула разом целый стакан воды, который Аллочка, подходя ко мне, предусмотрительно держала в руках. Нервно сглотнула, села на стул, который, видимо,

так же, именно для меня стоял посреди зала, тут же презрительно огляделась: подхалимы! Наизусть знают.

– Он с документами приходил, всё по правилам. – Снова пискнула Аллочка, но под моим взглядом смолкла.

– Да я про Лёню! – Устало махнула рукой. – Почему у него три отпуска в году, а у меня ни одного? И как всегда не вовремя.

– Потому что нам без вас край, Ларисочка Витальевна.

– Подхалимы! – Озвучила я свои мысли, бурча куда-то в пол.

Решительно подскочила, бегло оглядела присутствующих, которые теперь осознали весь масштаб катастрофы и повжимали головы в плечи.

– Лариса Витальевна, вот, – протянула Аллочка небольшую квитанцию, – он оставил.

Мне предложили какие-то писульки с каракулями на них, которые некто наивно приравнивает к буквам. Но я прочла и, о чудо, даже поняла, чего же от меня требуют. Брови поползли вверх от удивления и я зло погримасничала над бумажками в своих руках.

– Негодяй! – Мстительно топнула каблучком.

– Это вы про Леонида Михайловича?

– И про него тоже. – Внимательно посмотрела на лица вокруг, вздохнула. – Значит так, сегодня второе... значит, до конца месяца все отправляются в оплачиваемый отпуск.

Тут же услышала вокруг себя нервные смешки, ахи и охи

– радуются они. А кто бы не радовался, получив отпуск в самом жарком месяце лета, июле? Только идиот... ну, и я с ним за компанию.

– Но там дел на неделю всего...

– Я вижу, ты, Аллочка, в отпуск не хочешь. – Уставилась на девушку, давя ту взглядом, знаю же, что хочет, только не может: кредит, мама и маленький ребёнок, которого она, любя, зовёт спиногрызом. – Он оплачиваемый, если ты вдруг не расслышала.

– Я расслышала, но ведь кто-то вам должен помогать. – Вкрадчиво предложила она и хитро сверкнула глазами. Ну, плутовка, погоди.

– Я так понимаю, кто-то хочет получить сверхурочные?

– А что, можно ведь и сантехнику за этот месяц поменять, вы давно хотели.

– Помню, – враждебно покосилась на чрезмерно предприимчивую Аллочку, – я тоже об этом подумала... Ладно, оставайся.

Милостиво позволила, понимая, что этой лисе придётся заплатить двойной оклад. Но ведь и без помощника никуда! Подлец Лёня вместе с собой на отдых утащил мою лучшую подругу, бухгалтера и человека, который отвечает за мелкие организационные вопросы, в одном лице. А так же Люда приходится ему законной супругой.

– Ничего, я ещё устрою вынос мозга этому крохобору, бюрократу и чинодралу, – мстительно прищурилась я, холя и

лелея свои ненавистные чувства. — Он у меня ещё попляшет.

Что именно собиралась сделать, ещё не придумала, но определённый план хотя бы для выяснения обстоятельств уже присутствовал и, махнув своими длинными ресницами (хотя чего скрывать, это единственная длинная часть моего убогого организма, поэтому уточнения излишни), топнула ногой. Разогнала по домам всех зевак, откровенно скучающих личностей и принялась за работу, а было её, несмотря на внезапное закрытие, вагон и маленькая тележка. Созвониться со всеми поставщиками, договариваясь о временном прекращении поставок, а это, как вы понимаете, срыв контрактов, но я ведь в меру обаятельная и привлекательная, да и ссориться со мной себе дороже, поэтому санкции даже по договору минимальны. А после личной беседы, пусть даже по телефону, и того меньше. В итоге цифры можно смело приравнивать к нулю. Ещё как-то нужно растасовать скоропортящиеся продукты, что тоже весьма и весьма проблематично, в этой ситуации спасает сеть закусовых, недавно приобретённые Лёней. Ах, Лёня, Лёня, ну и нюх, ну и проницаемость! Сам улизнул, но ходы для моего позорного отступления организовал. Спасибо тебе, Лёня, огромное, не зря ты когда-то предпочёл меня всем остальным и пригласил в кино.

Чтобы было понятнее, что в этом удивительного, поясню, что Лёня славился некогда как самый красивый парень института. Высокий, статный, с глубокими карими глазами,

прямым носом и пухлыми губами. Жгучий брюнет под два метра ростом. А я, мелкая, невзрачная, метр шестьдесят два без кепки и других прибабасов, тощая, и без макияжа – настоящая моль. В довесок к такой вот замечательной мне, малютка (на то время) сынок, пришибленная на всю голову мама, дрянной склочный характер и двухкомнатная квартира в не самом лучшем районе города. Но Лёня молодец, Лёня мужик! И под многочисленные недоумённые взгляды в тот знаменательный день он подошёл ко мне, двигаясь, как ледокол «Ленин» сквозь толпу танцующей бесноватой молодёжи нашего института, сопровождаемый странными возгласами и громким свистом, остановился напротив и улыбнулся. Боже, этой белозубой улыбки я не забуду никогда!.. Как и разочарования, которое испытала чуть позже. Но в тот момент прибалдела и наслаждалась, как с завистью смотрят нам вслед, как меня сверлят взглядом его бесконечные поклонницы. Фильм, правда, подвернулся не самый удачный, но Лёнино присутствие скрашивало все шероховатости того прекрасного весеннего вечера. И после, когда он провожал меня домой на такси, ведь в одиннадцать в этот район автобусы уже не ходили, скромно улыбался, нежно гладил ручку, а на прощание спросил:

– Слушай, Ларис, ты ведь меня познакомишь с Люсей?

В тот момент моё сердце разбилось о гранит его непонимания и я ответила:

– Конечно, Лёня, когда тебе будет удобно.

Вежливо улыбнулась и тут же выдала всё, что о нём думаю. Он помялся с ноги на ногу, торопливо извинился... раз пятнадцать, а потом попорхал на крыльях любви домой, так как пока мы выясняли отношения, а это было бурно, громко и неповторимо, таксист свинтил, якобы забывая, что молодой человек уже оплатил обратный путь.

Оказалось, что Лёня Краморов, безнадёжно влюблён в единственного человека, который мог вытерпеть всю тяжесть общения со мной, в Людочку Голубеву. Ту самую, идя с которой по улице, мы нередко смахивали на маму с дитём. Она – высокая, крупная, сероглазая блонди с длинными ножищами, сорокового размера стопой и беззаботной улыбкой несмотря на абсолютное отсутствие личной жизни, и я, хотя про меня вы уже слышали. Так вот, влюблён в неё он был ещё с первого курса, только вот Люда не замечала его в упор (но это по Лёнькиному мнению), а на самом деле, так же сохла по Лёнчику, как и вся прекрасная половина института. И в этот вечер я поняла, что судьба в очередной раз обошла меня стороной. Поняла, вздохнула, пожалала тощими плечиками, посмотрела ему вслед и окончательно убедилась, что мой бывший муж, такой же недоделанный внешне, как и я, был идеальной парой, только недолго. И на Лёниной с Людой свадьбе я была главным действующим лицом. Но не только потому, что числилась подружкой невесты, а потому что Лёнин друг, такой же красивый и здоровенный, как-то решил, что весь вечер сопровождать свидетельницу ему ни к чему.

Да, и решил он это как только мы вошли в банкетный зал и стал нагло ухаживать за кем-то из гостей. Уже через две минуты он и эта гостья о таком неправильном решении пожалели. Был безжалостно избит мной же, как, впрочем, и гостья, а ответить не посмел, потому что меня убил бы первый щелбан. Тогда Лёня сурово нахмурился и я, как маленькая пиявка, повисла на плече свидетеля... он уже не был против. С того знаменательного дня со свидетелем мы не виделись. А вот с Лёней дружбу продолжили. И не только потому, что Люда пригрозила ему своим внушительным кулаком, просто он по-своему меня любил... наверно... я на это очень надеюсь.

Вскоре после выпускного я не пошла искать работу по модной в то время профессии менеджера, а поступила в кулинарное училище. Это хоть и не было моей давней мечтой и идти в училище после ВУЗа смешно и глупо, но это нервное... я была должна.

И вот, дослужилась до шеф-повара ресторана за кратчайшие сроки. Талант, что тут скажешь! А когда предыдущий начальник семь лет назад рискнул ущемить меня в правах, я махнула на него рукой, хвостом и громко хмыкнула. Правда, этот звук был заглушён не менее громким хлопком двери, которую я не удержала, уходя. Напоследок поскандалив, я простила его и забыла навсегда. А ещё я не позволила вякнуть Лёне, который на свою голову решил заделаться ресторатором, что у него уже есть шеф, а вездесущая Люда меня в

этом полностью поддержала. И вот я та, кто я есть. Но теперь ещё и совладелица, потому что Лёня не захотел меня отпустить на вольные хлеба. Прикипел, наверно. Ну, просто никогда не поверю, что в этом был какой-то корыстный умысел...

Но я отвлеклась, к делу! С продуктами я разобралась, с бухгалтерией разберётся Людка, когда приедет, с новой сантехникой определилась, с требованиями пожарников ознакомилась, служащие довольны и Аллочка благоразумно не мозолит глаза. Конечно, это далеко не всё, но остальные подробности пусть останутся моей профессиональной тайной. И пока я разгребала образовавшийся завал, план внезапных действий влез в голову сам собой. Так забавно... он там так уютно устроился, словно ничего прежде в этой голове не вошло. А план сам по себе был до неприличия прост: довести инспектора пожарной охраны до белого каления.

Для начала я отправилась в ту самую пожарную инспекцию, дабы лично убедиться в целесообразности внеплановой проверки и не суть важна, что это незначимая на данный момент деталь, мне она необходима. Секретарь вежливо сообщила, что начальник сейчас обедает, показала все необходимые документы, «обрадовала», что нормы ужесточены, чем и вызвана проверка и, как раз под это ужесточение мы и попали. В ответ на все бессмысленные возгласы, будто об изменениях нас должны были уведомить в письменной форме и, желательно, заблаговременно, она отправила меня на три весёлых буквы. Но не на те, которые неприличные, а в кафе

«Луч», расположенное за углом. То самое, ставшее временным пристанищем главного пожарного инспектора города.

Заметив это кафе, и никак не за углом, а на противоположной стороне улицы, я трижды отплевалась на секретаря, которая меня дезинформировала. А что, если бы я начала кружить вокруг здания, в поисках этого кафе за углом?! Полная безалаберность и безответственность и нет ничего удивительного, что с такими работниками у нас плохие дороги. Не в тему, но сейчас я готова припомнить всё.

Глава 2

Добравшись до нужной кафешки, весьма милой как внешне, так и внутри (я там прежде бывала), поправив своё в меру и в тему красное, обтягивающее платье длиной до середины колена, уверенно вскинула голову. Взбила руками причёску, которая благодаря умелым рукам мастера из мышинового хвостика превратилась в объёмное волшебство с затейливыми завитками, движением губ расправила на них губную помаду, тоже красную, и вошла. Нет, влетела, потому что порог оказался неожиданно низким, а предупреждения о ступеньках я как-то не заметила, но вспомнила, что в предыдущий раз так же споткнулась. Ещё и с администратором поругалась, и отобедала как дорогой гость, ничего при этом не заплатив. Об этом, конечно, не просила, но милостиво согласилась, когда счёт предъявлять отказались. Их право.

Первым, кого я заметила, был тот самый администратор. Молодой мужчина улыбнулся-скривился, готовясь к моральной атаке, но сегодня было не до того. И только после этого я окончательно распрямилась и окинула взглядом зал в поисках нужного человека, который, как доложила Аллочка, теперь без усов. А вся прелесть моей мести заключается в том, что я-то его знаю, а он-то меня нет... Довольно улыбнувшись этому факту, выцепив из удивлённо раскрытых глаз нужные, решительно направилась к столику. Мужчина, понимая, что

попал, передёрнулся, опасливо на меня покосился, наблюдая шествие, завис с донесённой до рта ложкой, но так и не проглотил прозрачное «первое», видимо, надеялся, что пронесёт... не понесло.

На самом деле, с инспекциями я не дружила, часто спорила, часто оказывалась права, за что меня не любили. В итоге приходили значительно чаще, чем к остальным, а когда Лёничку это бесконечное нашествие саранчи осточертело, он отстранил меня от ведения подобных дел, хотя своё право я отстаивала, буквально говоря, с кулаками. И на тот момент, когда мужичёк с усами занял столь значительный пост, который сулил ему не только безмерное уважение, лесть, а так же и материальное состояние (взятки ещё никто не отменял), я окончательно сдалась и при любой проверке позорно пряталась в подсобке, чтобы не бросится с кулаками и на них. Взятки, на самом деле, давали не для того, чтобы замаскировать недостатки, у нас всё было на уровне, потому что ресторан популярный и относящийся к сливкам этого вида искусства, а для того, чтобы нас проверками не мучили, не мешали работать и зарабатывать.

Усатого таракана я разглядела на камерах видеонаблюдения, долго возмущалась его наглости, пока лично не добилась того, чтобы к нам приходил прежний инспектор, красивый и сговорчивый Алексей, по отчеству я его даже и не знаю. С Лёшей даже мне удавалось найти общий язык, потому что он был человеком понимающим и профессиональ-

ным. Но чёрт дёрнул Лёшу как раз сейчас уйти в отпуск (тоже инфа от секретаря безусого).

– Занято. – Предусмотрительно и как-то трусливо выкрикнул он, как только моя рука взялась за спинку стула напротив, а я усомнилась в том, что меня здесь не знают.

Присмотрелась к «таракану» повнимательнее, отметила, что без усов его вполне можно признать симпатичным, в глазах увидела абсолютное непонимание и некую растерянность, успокоилась: не знает.

– Надеюсь, вы занимали для меня? – Невозмутимо уточнила, приподнимая и красиво изгибая бровь.

Вы не подумайте, я не какая-то там замухрышка и за десять лет уразумела, что важно не быть красавицей от рождения, а уметь правильно себя подать, а так как уродиной меня не посмел бы назвать даже смельчак, то в «подании» себя я весьма преуспела и частенько этим пользовалась. Элегантно присела.

– Нет.

Мужчина проглотил остывшую жижку с ложки, булькнул ею в тарелку.

– Девушка, извините, но вокруг полно свободных столиков.

– Глупости, – отмахнулась я, – по глазам вижу, что вам скучно и одиноко, и практически уверена в том, что вы терпеть не можете есть без компании.

По ответному молчанию поняла, что попала в точку, од-

нако он не признал и не опроверг моих слов.

– Девушка, извините, но вы не в моём вкусе.

– Ну, вы ведь не собираетесь меня есть. Нет?

– Я хотел бы пообедать в тишине.

– А что может быть привлекательного в тишине? Скука смертная. А, может, у вас что-то случилось? Так вы скажите, не стесняйтесь.

Мой участливый взгляд, незначительный наклон туловища вперёд и его тягостный вздох сдерживаемого раздражения.

– Ничего у меня не случилось, но вы мне мешаете.

– Чем, если не секрет?

– Своим присутствием! – Взвизгнул собеседник и деликатно хлопнул ладонью по столу.

– Так вы ещё и хам?! – Намерено громко изумилась я, прикладывая руку к груди и озираясь по сторонам: взглядом искала поддержки у окружающих. – А с виду такой культурный мужчина. – Добавила, причитая, обнаружив поддержку у милой дамы преклонного возраста.

Настроения вокруг мужчина оценил правильно и притих.

– Вы что-то от меня хотите? – Неуверенно уточнил он, внимательно разглядывая меня на предмет узнавания или хотя бы чего-то смутно поясняющего ситуацию.

– Хочу! Хочу украсить ваши серые будни!

– А вы так уверены, что они у меня серые?

– Да вы на себя в зеркало смотрели?!

По взгляду поняла, что ответить ему не терпится, но общественность на моей стороне и всё приходится оставлять при себе. Обидно. Инспектор нервно постучал ложкой по краешку тарелки и вздохнул, набираясь терпения. Глянул на часы.

– Послушайте, а вам, случайно, на работу не пора?

– Не выдумывайте! Я безработная. – Легко отмахнулась я, чем повергла нового знакомого в шоковое состояние, кажется, он начинает серьёзно опасаться.

– Допустим, но чем вам могу помочь я?

– Вы верите в любовь с первого взгляда? – Я довольно взвизгнула, а «тараканище» шарахнулся, испуганно глядя в моё открытое декольте. Лето ведь, товарищ! – Я тоже не верю, поэтому предлагаю узнать друг друга получше.

– Что?

– Говорю, давайте познакомимся! – Чуть прикрикнула, делая вид, что грешу на возможности его слуха.

– Георгий. – Кивнул он и нахмурился, всё же надеясь понять, в чём заключалась шутка.

– Очень приятно, Лариса.

Я протянула руку, предлагая поласкать её тёплым дыханием, но мужчина, осторожничая, пожал концевые фаланги наманикюренных пальчиков и тут же свою руку одёрнул. В этот момент подошёл вышколенный, наверно, специально для меня, официант, и я по памяти выбрала то, что приглянулось в прошлый раз. Стесняться не стала, заказала по пол-

ной программе, хотя аппетита не было. На что мальчик-красавчик в фирменной одежде кивнул, глядя на моего спутника, сочувственно поджал губы, улыбнулся и отправился исполнять.

– Лариса, извините, что я спрашиваю, но вы, случаем, не ошиблись?

– В чём?

– В компании. Мы с вами не знакомы и...

– Так мы вроде познакомились или вам интересны какие-то подробности моей жизни? Так вы не стесняйтесь, спрашивайте.

– Да я не стесняюсь, просто не совсем...

– О, спасибо. – Громко, намеренно перебивая разговорившегося, как его... посмотрела мужчине в глаза... вспомнила! Георгия! Приняла закуску и бережно ковырнула, не желая испортить скульптурную композицию из овощей.

– Лариса, вы меня ни с кем не перепутали?

– А вы считаете, что могла?

– Ну-у... – Неоднозначно потянул он. – Вы так эффектно влетели, мне показалось куда-то спешили...

– Да. К вам.

– Э-м... чем обязан?

– Хочу украсить вашу жизнь, сделать её более разнообразной, яркой, надеюсь, вы не откажете.

Мужчина совсем поник, а я удивилась, как он с такой нерешительностью вообще занял подобный пост, может,

подыгрывает мне?

– Извините, но я против случайных знакомств. – Замявшись, отметил он.

– Да? А по мне, так случайные знакомства это лучшее, что с нами может случиться в жизни.

– Хотелось бы уточнить, где я так нагрешил? – Грустно усмехнулся Георгий, а мне захотелось рассмеяться в голос.

– Есть одно местечко. – Хмыкнула вместо этого в ответ.

– Извините, а с чего вы взяли, что мне это необходимо?

– А как увидела вас, так и поняла. Сидите здесь один, хлебаете постные щи. Опущенные плечи, потухший взгляд – сразу видно, мужчина нуждается в моральной поддержке, а я ведь не могу пройти мимо, если во мне кто-то нуждается. – Я воодушевлённо распиналась, пока мой спутник всё глубже оседал в стул.

– Вы волонтер?

– Работала в сфере обслуживания, потому привыкла, что люди нуждаются в моём внимании.

– А где именно работали? – Встрепенулся он, а я отмахнулась.

– Георгий, а вы женаты?

– Это имеет значение?

– Конечно! Если не женаты, то помощь необходима экстренная, а если женаты, то тут нужно и мозгами пораскинуть.

– А что, есть чем?

– В смысле, мозги? – Прищурилась. – А вы подозреваете, что их у меня может не быть?

– Я этого не говорил! – Отрицательно закивал мужчина, уловив угрозу в голосе.

– Мне так не показалось. – Зло разворотила я салат, накалывая на вилку ломтики болгарского перчика.

– Не женат. – Всё же ответил он на вопрос. – А вы, извиняюсь, замужем?

– Ой, что вы говорите, мужу со мной крайне повезло!

– Да?!!!

Ой, а отчего столько удивления в глазах, или это от облегчения? Рано, друг мой, рано.

– Да. Мы прожили вместе душа в душу полтора года, после чего он не выдержал моей бьющей через край энергии и сбежал.

– Меня это почему-то не удивляет. – Без доли иронии и сарказма посочувствовал моему мужу (очень сомневаюсь, что мне) Георгий и грустно посмотрел в тарелку с окончательно остывшим «первым».

Я кивнула официанту, дежурившему у нашего столика, то ли подслушивая, то ли боясь упустить этот жест, в общем, подбежал он быстро, заменил «первое» на «горячее», и удалился на пост обозрения.

– Напрасно вы грустите, Георгий, со мной вам будет весело, обещаю. – Внезапно я разнервничалась не понятно отчего, скривилась, чем вызвала у бедного Георгия очередную

волну паники. – Георгий, почему у вас такое длинное и такое невыразительное имя? Давайте как-нибудь покороче, Жора, например, и на «ты». Меня, кстати, можете звать Лара.

– Я, пожалуй, воздержусь. А друзья меня зовут Гоша.

– Гоша? Мне всегда казалось, что это из другой оперы, нет?

– Не знаю, они так привыкли. Так что там с вашим мужем?

– А что с ним? Наверняка кусает локти и бьётся в истерику, но обратно я его не пушу, пусть не надеется.

– А что, уже просился?

– За пятнадцать лет? – Гоша странно-удивлённо кивнул. – Ни разу. – Покачала я головой и улыбнулась. – Надеюсь, ты ничего не имеешь против детей? У меня взрослый сын.

Гоша только криво усмехнулся одним уголком рта, шумно сглотнул, посмотрел на котлету, потом, более жалобно, на официанта, и всё же решился его позвать.

– Молодой человек, подскажите, а есть вариант, при котором вот эта дама...

– Лариса. – Напомнила ему я.

– Да, да, вариант, при котором Лариса пересекает за другой столик?

– Извините?

Мальчик почему-то посмотрел на меня.

– Ничего, Гоша шутит, идите.

И Гоша убийственно-жалким взглядом и протяжным стоном проводил возможного спасителя. За столом воцарилось

молчание, я расправилась с салатом, насладились вкусом и уже получила заказанное второе блюдо, а мой собеседник совсем погрузился.

– Лариса, признайтесь, вам что-то от меня нужно?

– А ты мне это дашь? – Удивлённо уставилась на мужчину, не понимая, почему тот так быстро сдался.

– Смотря что. – В нём явно загорелся огонёк надежды и голос приобрёл не только бодрость, но и мужественность.

– Перепиши на меня свою квартиру.

– Что?

– Квартиру. Свою. Перепиши. – Сделала жалобные глазки и похлопала ресничками, демонстрируя их природную длину и пушистость.

– Вообще-то у меня дом. – Серьёзно ответил он.

– Не важно, главное, чтобы ты был готов с ним расстаться.

Вот тогда до бедного дошло, что я шучу и он впервые за весь обед улыбнулся.

– Ну и шуточки у вас. – Пожурил, и с аппетитом принялся за пюре.

– Гоша, а ты мог бы жениться на такой энергичной и живой женщине, как я?

– А вы считаете, что мне в жёны больше подходит неэнергичная и мёртвая? – Хмыкнул, чем продемонстрировал улучшившееся настроение и заел пюре котлетой.

– Я этого не сказала, но ты какой-то... замудуханный, извини за выражение.

– Да ничего, я и сам знаю. Новая должность, знаете ли, требует большого внимания, авторитета, уверенности, вот и выбился из сил.

– Значит, я пришлась как раз кстати?

– Видимо, да. И всё-таки, почему вы развелись с мужем, ведь, насколько я понял, у вас общи сын?

– Он сказал, что у меня плоские шутки, упрекнул, будто совершенно не умею готовить и выжить рядом со мной может только неандерталец и то, лишь потому, что не поймёт ни единого моего слова.

На самом деле, он именно так и сказал, но ещё добавил, что, то варево, которое я так убедительно обозвала супом, с удовольствием вылил бы мне на голову, если бы я не была матерью его сына. Хлопнул дверью и даже не забрал свои шмотки со съёмной квартиры, в которой мы жили с маленьким Андрюшей вот уже три месяца. И научиться готовить стало для меня идеей фикс. Я её осуществила, только вот теперь мне некому утереть нос этими способностями, так как Эдик ушёл бесповоротно и я действительно не видела его все пятнадцать лет, как, впрочем, и алиментов на сына.

– А вы не умеете готовить?

– А я произвожу впечатление домохозяйки? – Встречный вопрос и Гоша снова ко мне присмотрелся.

– Нет. – Уверенно кивнул он. – Вы похожи на деловую самодостаточную женщину, единственное, чего я не пойму, так это вашего интереса ко мне.

– Так, я такая и есть. – Откинулась на спинку удобного стула, закинула ногу на ногу и, если бы не была за рулём, то непременно выпила бы хорошего вина. Здесь есть, я знаю, меня угощали.

– А я?

– Что ты?

– Вы не ответили на мой вопрос про интерес.

– А-а, так я поспорила, что в меня влюбится и женится любой мужчина.

– Поспорили?.. – Недоумение помноженное на растерянность, равно Гоша в квадрате.

– Вижу, слово «жениться» испугало тебя гораздо меньше. Это хорошо.

– В смысле... То есть как жениться? Вы в своём уме?

– Ты уже спрашивал и я предложила перейти на «ты».

– Я помню. – Зло отозвался он и ковырнул котлету так, что её кусочек улетел за соседний столик. – Извините. – Выдохнул, краснея, и закрыл лицо руками. Нет, он однозначно несчастный человек и с этим надо что-то делать.

– Что-то не так?

– Да, Лариса, не так. Я устал бороться с вами.

– Это значит, что ты уже согласен?

– На что?

– На свадьбу. – «Удивилась» я его вопросу и даже перестала болтать ногой, которая была в свободном полёте последние несколько минут.

– Вы издеваетесь? Нет, точно, вы издеваетесь, только не пойму, почему я?

– Не знаю. Ты мне приглянулся. Я и первый раз так замуж вышла. Вيني, види, вици! – Нагло сфальшивила по латыни.

– Что?

– Пришёл, увидел, победил! Гоша, тебя нужно встряхнуть, нельзя так грузиться. Предлагаю продолжить знакомство в более уютном месте.

– Скажите только, у меня есть шанс отказаться? – Выдохнул он, страдальчески.

– Только в случае твоей смерти. – Заявила я и мой несчастный подавился последним кусочком котлеты.

– Кажется, я уже к этому близок.

– Не волнуйся, всё пройдёт. – Похлопала я его по спине, перегибаясь через стол, и ещё подробнее продемонстрировала свои пусть и не выдающиеся, но вполне аккуратные формы в декольте.

– А как...

– Я тебя сама найду. – Заверила, вставая, и, расправляя платье, поймала хоть и уставший, но, тем не менее, восхищённый взгляд.

Именно восхищённый, ведь к сожалению Гоши, природа поскупилась на дары при его рождении и сделала хоть и высоким, но шупленьким очкариком, а не брутальным меном, поэтому я вполне могла претендовать на роль его дамы сердца и это не вызвало бы диссонанс у общественности. Послав

мученику воздушный поцелуй, подошла к официанту, черкнула тому свой номер и громко, во всеуслышание, заявила, что несчастный Гоша мой друг, а именно дружеской наша беседа выглядела со стороны, и высказалась:

– И если это жлоб откажется платить за меня, позвоните, я рассчитаюсь сама. – И послала якобы жлобу такой взгляд, что едва ли он решиться отказаться от счёта, по крайней мере, эта самая общественность, которая с таким азартом наблюдает за моим уходом, не оценит.

С выполненной программой максимум на сегодня отправилась в свою обитель, в свой любимый ресторан, который без меня осиротел, выглядел мрачно и тускло. Аллочка уже успела обзвонить всех, кто заказывал столики на сегодня, завтра и на ближайший месяц вперёд, отчиталась, что приезжали дизайнеры, делали эскизы туалетных комнат и они сошлись в цене, что редкость.

Аллочка, которую жизнь была часто и больно не привыкла уступать даже в копейке, поэтому в материальных вопросах проще было договориться со мной, нежели биться о стену непонимания администратора. Обычно о нас так и говорили: двое из ларца, одинаковых с лица. Мы с Аллочкой действительно были похожи, но если её внешность всем казалась ангельской, а глазки несчастненькими, то по отношению ко мне таких иллюзий никто не питал.

Выгнав Аллочку домой и пригрозив, что если послушается, то более я её на порог не пушу, заперлась в Лёнькином

кабинете и плеснула в бокал его любимый коньяк. Занялась осмысливанием жизни, или, говоря проще, бездельничала. Коньяк я не любила никогда, но наливала, чтобы чувствовать себя аристократкой с белоснежной кожей и белокурыми кудрями, а не загорелым рыжиком, как меня назвал всё тот же Лёня. Подобное прозвище он придумал после того, как я, побывав на очередном кулинарном конкурсе, на несколько дней расслабилась и полежала на пляже. Он мог назвать меня и рачком, потому что кожа не успела прийти в норму после солнечного стресса, но, видимо, побоялся за сохранность зубов и ограничился тем, что, собственно, и сказал. Вопреки природным нормам, несмотря на то, что я была рыжей, кожа моя от аристократической белизны не страдала, но и постоянных веснушек не было, спасибо и на том.

Так же, как и бокал коньяка, моё воображение здорово возбуждал вид женщины с длинной тонкой сигаретой, вставленной в красивый мундштук, но меня лично смущала длина этой сигареты в мундштуке, и я себе, по сравнению с этим аксессуаром, казалась карликом, поэтому от подобных маневров воздерживалась.

Сидела я так, сидела, думала, вспоминала, а ничего хорошего так и не вспомнила. Жизнь пронеслась как один миг, а что в ней было стоящего?.. В школе я была настоящим заморышем, которого все дразнили, но это в первом классе. Причин для этого было много, начиная с года обезьяны, в котором я родилась и заканчивая моей удивительно подхо-

дядей фамилией: Читаева. И самое забавное в этом то, что обезьянами по гороскопу в классе были практически все, а вот «Мартышкой» почему-то, любя называли только меня. Были и смельчаки, которые решились назвать меня ЧИта, но так просто им это с рук не сошло, за что некоторые имели в своём архиве подбитые глаза и разбитые губы, а я получила славу драчуни. Но уже во втором классе всё исправилось и меня стали называть никак иначе как ЧИТА, точнее, чередовали это с Мартышкой, но я не обижалась, потому что во мне от предков-обезьян было гораздо больше, чем во всех остальных ровесниках. Я была живой, подвижной, задиристой, не любила и не желала отмалчиваться. Меня за эту правду, которой я кормила всех на завтрак, обед и ужин, невзлюбили учителя, завучи и даже директриса, но это уже было во мне, и изменить я ничего не могла.

Много чего было, но я помню один случай за который сейчас действительно становится стыдно: мы в младших классах ездили в санаторий, а так как фотоаппараты были тогда в диковинку и плёночные, то фотографий оказалось нещадно мало и деньги на их печать наша классная руководительница собирала с желающих приобрести кусочек истории. Прошла неделя, за ней другая, а потом на классном часу нам сообщили прискорбную весть о том, что плёнку, деньги, а вместе с этим и наши надежды на память о проведённых каникулах, бессовестно умыкнули из учительской сумочки в автобусе. И это мне показалось такой глупостью, мол, зачем кому-то

наши фотографии, да ещё и не сделанные, что я не поверила, возмутилась (к сожалению была единственной), и спросила:
– А когда вы вернёте наши деньги?

Не знаю кто как, а я заказала полный набор и для меня, не работающей школьницы девяти лет, это были неплохие финансовые возможности. На мой вопрос учительница покраснела, но ничего не ответила, так как дальше пошло безразличное отвлекающее жужжание уже на другую тему и мой вопрос забылся. Правда, потом, учительница отвела меня в сторону и из своего кошелька достала нужную сумму, а я без зазрения совести взяла, ведь это моё! Правда, потом поняла, что деньги вернули только мне, но не расстроилась, просто не стала распространяться о «счастье», свалившемся на голову. Сейчас глупо полагать, что учительница действительно решила прикарманить наши копейки, но, зная их учительскую зарплату, да ещё немного накатив алкоголя, мои сомнения временно рассеиваются.

В шестнадцать лет я познакомилась с Эдиком, смазливый, стройный, хоть и чрезмерно худым задохликом. Внешность обманчива и на поверку он оказался натренированным и крепким, просто конституция такая. Для тех, кто не знает, конституция – это не только основной закон государства, но и особенности телосложения. Понапридумывают... будто слов им мало, а люди потом путаются. Так вот, быстренько забеременев, мы под шумок последнего звонка расписались и начали недолгую совместную жизнь. Сейчас я понимаю,

что Эдик терпел меня слишком долго и его нервная система истощилась и пришла в упадок, но тогда мне казалось, что он во всём виноват, особенно в том, что не может обеспечить семью достойным существованием. Но когда Эдичка ушёл, я поняла, что жили мы не так уж и плохо, потому что стало ещё хуже. Дотянув последний оплаченный месяц на съёмной квартире, если так можно было назвать эту комнатуху, я вернулась в родные пенаты на радость маме. Она радовалась долго и, что важно, громко, поэтому, пока буря не утихнет, я оставила Андрюшку у добрейшей соседки Марь Ивановны. И только после этого поселилась с ним на положенных по закону семнадцати метрах двухкомнатной квартиры, свергнув маман с уже обжитой после моего переезда жилплощади.

Радовало во всей этой ситуации лишь то, что я не додумалась бросить институт и старалась везде успеть, с моим-то запалом и характером, я бы потянула и больше, да больше никто не предлагал. На скромную стипендию, пенсию по утрате кормильца (условно я называла это пособие матерям-одиночкам именно так), которую мне назначили до конца обучения, и детское пособие, я и содержала нашу маленькую семью из двух человек. У мамы деньги не брала принципиально, демонстрируя свою независимость, пока не получила мокрой половой тряпкой по лицу со словами:

– Я тебе что, чужая?!

Больше не выпендривалась и жить мы стали намного лучше. Про Эдика слышала, будто он уехал в Москву, но особо

не мечтала по этому поводу, не такой он человек, чтобы дважды в один и тот же комсомол вступать. Его родители тоже не волновались, как там их кровиночка, единственный внучок поживает, а я и не расстроилась. Нисколько. А когда пошла на работу поваром, всё вообще стало замечательно, так вот замечательно и до сих пор.

Взгрустнула, едва не всплакнула, губы поджала, а на часах уже половина одиннадцатого. Пока всё закрыла, добралась до дома, так и вовсе полночь. Андрей спал, видимо, нагулявшись, а я отправилась в царство Морфея вслед за ним, чтобы уже следующим утром, а птишка я ранняя поэтому и утро наступит очень скоро, отправиться на завоевание или, правильнее сказать, на осаду крепости по имени «Гоша», с последующим заключением его в надёжные оковы под названием «дружба». И направиться туда я собиралась не с пустыми руками.

Встав на заре, срочно выехала по месту работы, привела себя в полный боевой порядок: убрала полосы под непроницаемый колпак, тщательно вымыла руки и улыбнулась новому дню и это не блаж, а неизменный атрибут успешного повара. Только душевное спокойствие и равновесие помогает сосредоточиться и из просто вкусного блюда сделать шедевр кулинарного искусства.

Шедевр сегодня обещал быть острым и очень острым. Одно полюбившееся мне мексиканское блюдо, название которого я не могу вспомнить, а рецепт не могу забыть, придёт-

ся как нельзя кстати. Я буквально под пытками выведала его у повара из жаркой Мексики, спойив его нашей водочкой да под солёный огурчик. Бедный мучачо не только английский язык забыл, но и родной, который я всё равно не знала, поэтому все секреты приготовления он выдавал мне исключительно в момент приведения себя в божеский вид под ледяным душем.

«– Выпусти меня, пожалуйста. – Кричал он, корчась под упругими струями воды.

– У тебя есть только два варианта выбраться отсюда живым. – Отвечала я ему.

– Что ты хочешь? – Плакал он, понимая, что живым действительно не выберется. Ничего не напоминает? Даю ассоциацию: Гоша, Гоша...

– Говори. – Крикнула я и он сказал. Сказал всё, даже то, что говорить не планировал, правда, потом удивлялся, как такая хрупкая и безобидная на вид русская, могла вытянуть из упрямого и сильного мексиканца то, что не могут вытянуть из него уже много лет подряд лучшие рестораны мира.

Рецепт оказался редким, с секретными ингредиентами, которые он же мне и поставляет по «старой дружбе» и это блюдо умеют готовить уже два человека в мире: он и я.

Заранее выяснив расписание «любимого» инспектора, приехала в офис, неся перед собой ароматное и горячее блюдо. Глупая официантская привычка нести всё перед собой, которая однажды стоила мне вкуснейших печенек на этот раз

не принесла непоправимых последствий. Я всё донесла в целости и сохранности, без приглашения, минуя секретаршу, завалилась в кабинет, аккуратно поставила блюдо на рабочий стол, выгоняя опешивших посетителей, и, прикрыв попойкой дверь, обворожительно улыбнулась.

– Я думал, что вы пошутили, Лариса. – Понуро вздохнул Гоша и уставился на источающие божественные ароматы, но пока ещё загадочное для него блюдо.

– По поводу?

– По поводу того, что найдёте меня.

– С чего бы мне шутить такими вещами? – Тут я прищурилась. – Или ты всё-таки не оплатил вчера мой счёт?

– Что ты, как я мог?! – Резко перешёл он на личности, хотя до этого пытался держать дистанцию. Видимо, уже свыкнувшись с той мыслью, что я не отстану. – Ты на меня так посмотрела, что я бы не осмелился.

Сейчас я поняла, что голос этого хлюпика, хотя таковым он и не был, приятен, более того, кажется, за эту ночь не только он свыкся с этой идеей, но и я сама. Но у меня долг перед родным рестораном, я обязана быть стойкой и выносливой, поэтому быстро разогнала рой ненужных мыслей и принялась организовывать обед на одну персону. Почему на одну? Да потому что я не могу себе это позволить, всем вокруг объясняю, что сижу на диете и это будет жестоким ударом по ней, но мы-то с вами знаем, что мне, тощей от рождения, полнота не грозит. А на самом деле воздерживаюсь

оттого, что не могу остановиться, когда пробую это чудо и сметаю всё в гордом одиночестве, не давая остальным шанса даже попробовать. А организовать обед это вам не щи в тарелку наплескать, здесь всё должно быть разложено по своим местам. Поэтому, красиво выложив обед на тарелку правильной формы, украсив это зеленью (которая в рецепте не предусмотрена, но блюдо выглядит лучше, чем без неё), с нужной стороны положила вилку, с другой – особого рецепта лепёшку, налила в стакан горячий напиток, который идёт в комплекте и помогает потушить жар в желудке, если вдруг кому-то не пошло острое. В процессе заметила его настороженный взгляд, и при этом азартно горящие глаза.

– Надеюсь ты не страдаешь ЯБЖ? – С тоном врача с двадцатилетним стажем уточнила я.

– Нет, а что это?

– Ну, нет, значит, нет, если бы страдал, то уже знал бы об этом наверняка. Приятного аппетита.

– Спасибо. – Улыбнулся Гоша, сверкая едва заметными ямочками на щеках и я растаяла, как примерная жена подпёрла подбородок кулачками, локти при этом упирались в столешницу, а на лице тупая улыбка, которую, как ни хотела, скрыть не могла.

Сын уже давно привык, что готовлю я хорошо, поэтому особо не восторгается, а видеть то, как поглощают моюстряпню посетители ресторана я не могу, потому что не отхожу от плиты и разделочной доски. И в редких случаях, ко-

гда меня всё же вызывают, чтобы поблагодарить за труды, но это, чаще всего, особо культурные европейцы, у которых так принято, я могу посмотреть на довольные мордашки. А вот наши люди другие, у меня иногда складывается такое чувство, что они приходят пожрать и им всё равно, что я положу на тарелку. Но это ненужное отступление, поэтому вы можете его пропустить мимо глаз и ушей, это говорит обида, но она моя, личная, и больше никого не касается.

– Вкусно? – Улыбнулась, пялясь на то, как он доедает.

– Очень. – Улыбнулся Гоша в ответ и я разомлела. – А ты же говорила, что не умеешь готовить. – Опомнился он и... что я там говорила? Разомлела? Забудьте, это в прошлом, я снова вспомнила, зачем сюда пришла.

– А я и не готовила, я заказала это в любимом ресторане, просто захотелось побаловать тебя. – Невинно водила я пальчиком по столу. – Ты ничего не имеешь против ресторанной еды?

– Я ничего не имею против вкусной еды. – Уточнил мужчина, вытер губы льняной салфеткой и смотрел на меня с обожанием. – А ты пришла только для того, чтобы меня накормить?

И вот мне интересно, он спросил это, потому что ему со мной хорошо и он хочет чего-то большего или, наоборот, опасается, что просто так я его не оставлю?

– Нет. Я хотела, чтобы ты привыкал ко мне.

– Уже привык, – добавил улыбку, которая меня расслаб-

ляет, — но сейчас мне нужно работать. — А это уже так серьёзно, что я почувствовала укольчик совести, за то, что отрываю от работы такого важного и делового сотрудника.

— Тогда я зайду к тебе завтра. — Пропела напоследок и снова послала прощальный поцелуй.

На выходе погремела уже пустыми плошками, поморгала секретарше, давая понять, что её шанс устроиться в жизни она безнадёжно профукала и удалилась в неизвестность, в которой не знаю: ЧТО МНЕ ДЕЛАТЬ ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ!

Несмотря на опасения, работёнка нашлась быстро, даже слишком. Не успела я выйти из здания инспекции, как позвонила Аллочка и предупредила, что нам уже везут сантехнику, нужно принять. И я приняла. Потом всё подписала, потом раздавала ЦУ, вызванивала уборщицу, которая готова в течение недели убирать за рабочими, потом ещё много-много всего по мелочи и день закончился.

Глава 3

На следующее утро встала с ещё более увесистым настроением, приготовила Гоше рыбку по одному французскому рецепту, который хоть и не выпытывала, но тоже им безумно горжусь. Ведь сам мастер, преподнёсший урок, сказал, что я превзошла всех его учеников, а всё оттого, что с любовью, а не ради галочки в дипломе. Гоша остался доволен и уже сам уточнил, приду ли я завтра, и как только услышал положительный ответ, засиял своими ямочками на щеках, потёр руки и попросил прийти пораньше, потому что на обеде будет глобальная проверка на одном из предприятий. Я пришла пораньше, мне не сложно, он снова всё съел, смотрел на меня с благодарностью дворняги, которую угостили докторской колбасой, а потом неожиданно так, погладил по руке и спросил:

– Лариса, ведь у тебя ресторан русской кухни, так, почему ты меня балуешь заморскими разносолами? – Я было попыталась выдернуть свою руку из захвата, но куда там, металл. А жук этот улыбается и ничуть не огорчён, а деже наоборот, хочет решить всё миром.

– И давно ты знаешь? – Так же, не расстраиваясь, выдохнула я, устраиваясь поудобнее, тем более, что мою лапку уже отпустили из оков.

– С первого дня, как ты пришла в офис. – По-доброму

улыбнулся он и мне стало с ним легко и даже немного совестно, что называла тараканом. – Аня, секретарша моя, спросила тогда, как приручил такую мегеру, и я понял, что чего-то не понимаю. Ты обиделась на меня из-за штрафа?

– Нет, не из-за штрафа, а из-за того, что ты закрыл мой ресторан, и я уже несколько дней маюсь дурью, несу материальные затраты, а мои клиенты страдают от недостатка вкусной пищи.

– Нормы стали строже. – Виновато глянул он и вздохнул, я же изобразила обиженную и даже подумывала о том, чтобы всплакнуть, но на заказ как-то не получилось, поэтому только пыхла, словно злой ёжик.

– Но ведь можно было предупредить, проконсультировать, не знаю... договориться как-нибудь. Нужно уметь быть человеком даже на такой собачьей должности, как твоя.

– Я умею, но так было нужно.

– Кому? Тебя кто-то подкупил? Я так и знала! – Не дожидаясь комментариев, сама себя настроила, сама себя ввела в заблуждение и не знаю, как сдержалась от членовредительства.

– Нет, ты не правильно поняла. Ужесточились не только требования, но и меры ответственности. С такими нарушениями как у вас, приостановка работы заведения до полного исправления недостатков.

– Но у нас всё идеально!

– Лариса! – Строго прикрикнул Гоша, но тональность при

этом не изменил. — Это разговор слепого и глухого. Он не имеет смысла. Всё, что касается моей работы, я делаю в соответствии с нормами, как и ты следуешь рецепту, при приготовлении блюда.

— Я следую не только рецепту, но и голосу разума! И если мои рецепторы твердят, что нужно больше соли и меньше масла, я плевать хотела на этот рецепт и делаю так, как будет вкусно, а не слепо следую, как ты сказал, нормам и уставам. И, вообще, с чего это ты решил признаться, что всё знаешь, вчера ведь так хорошо поел, ещё и добавки просил, м-м?

Он не то, чтобы покраснел, но порозовел однозначно. Интересно, интересно, что там задумал, кроме раскрытия моей хитрости?

— Ну, как сказать, в твою любовь с первого взгляда я и так не поверил, но ты усердно играла свою роль и подкопаться было не к чему, а потом, когда всё это выяснилось, стало ещё проще. Пользоваться твоей добротой и далее было кощунством и...

— Про доброту ты загнул, но в целом мне нравится ход твоих мыслей, — оскалилась, перебивая, проигрывать я не люблю.

— Да. В общем, я хочу предложить тебе работу.

— Исключено, не хватало ещё, чтобы конкуренты сказали, будто после того, как закрыли мой ресторан, я пошла побираться.

— Я неправильно выразился. Скажем так, я предлагаю те-

бе сделку. Взаимовыгодную. — Добавил тут же, чем заинтересовал меня окончательно. Я наклонилась над столом.

— В таком случае внимательно тебя слушаю.

Наверно он думал, что меня ещё придётся поуламывать, но находить ключевые слова из всего словесного поноса окружающих я умею сходу, так что впереёд и с песней, мять-ся уже поздно! Примерно эти же мысли я передала своим взглядом и он решился.

— У меня есть брат. Двоюродный. Он бизнесмен. Довольно-таки успешный, но когда от него ушла жена, то Максим совсем сник. И вот такой человек как ты...

— Боже Гоша, а так и не скажешь, что ты сутенёр. — Усмехнулась я и напряглась, ход его мыслей нравиться мне перестал. Однозначно.

— Ты снова не так поняла. Ничего такого от тебя не требуется, ты сама по себе взрывоопасна и ударная волна от твоего присутствия летит на километры вокруг. И не нужно делать такие круглые глаза, после твоего ухода из кафе «Луч», я поговорил с администратором, он сказал, что ты была у них примерно год назад, но запомнилась надолго и теперь я понимаю почему.

— Допустим. — Снова приняла я деловой вид, если уж интима не предполагается, то можно и послушать этот бред до конца.

— Вот... и если ты хоть немного побудешь рядом с ним, — на мой грозный взор Гоша вскинул руки, защищаясь, — ис-

ключительно в качестве секретаря. То, возможно, он как-то оживёт, придёт в себя. В конце концов, он её и не любил, просто сам по себе факт, что его бросили, ну, ты понимаешь.

– Понимаю. Не слышала пока, какую выгоду ты сулишь мне, кроме заполненного времени.

– Твои выгоды на поверхности: я начальник пожарной инспекции, я хорошо общаюсь и имею влияние и авторитет между начальниками других служб, думаю, мы сойдёмся в цене.

– И ты не боишься говорить об этом вот так, вслух, в своём кабинете?

– А-а, – махнул рукой, – я просмотрел вашу историю: ни одного серьёзного нарушения, вас и наказывать-то не за что, это так, случайность. – Я нахмурилась. – И ещё я обещаю уведомлять тебя обо всех изменениях в законодательстве.

Я удовлетворённо выдохнула и согласно кивнула.

– Только у меня одно условие: ты не должна говорить, что пришла от меня, Макс не любит, когда вот так бесцеремонно влазят в его жизнь, а попросить помощи или справиться самостоятельно не может.

– Тогда у меня к тебе разумный вопрос: как я, не зная делопроизводства и всех прочих секретарских штучек, и из всех профессиональных навыков могу воспользоваться только рецептом приготовлением кофе, попаду на такую завидную должность? Об этом ты не подумал?

– Мои знакомые напишут тебе рекомендательные письма.

– Но знаний от этого не прибавиться.

– Я уверен ты быстро учишься и к тому же, будешь именно секретарём, а не секретарём-референтом.

– А в чём разница?

– Разница есть! – Наконец, воскликнул он, и спектакль под названием «нападающий-жертва» подошёл к концу, я перестала хмуриться и набралась побольше терпения.

– Тогда говори какая. – Теперь уже спокойно, без нападок, с милой улыбкой.

– Секретарь-референт это всё одно, что помощник, он и оформляет договора и осуществляет предварительную работу по контрактам, ведёт и контролирует рабочий график руководителя, в общем такой геморрой, что не позавидуешь. А вот секретарь, там уже всё проще. Телефонные переговоры, кофе, подготовка базовой документации и ещё кое-что по мелочи.

– Когда ты говоришь вот так: «ещё кое-что по мелочи», мне кажется, что дуришь по-крупному и не краснеешь. – Скрестила я руки на груди и вопросительно изогнула бровь.

– Лариса, там, правда, всё проще, чем кажется. Соглашайся.

– Ага, и зарплата в месяц такая, как у меня за один рабочий день.

– Я же сказал, фирма престижная. – Обиделся он.

– Нет, ты сказал, что он успешный бизнесмен, а это две большие разницы, но ладно. – Я выразительно посмотрела

на своего будущего заложника, ведь мне отработать нужно всего ничего – месяц, а вот ему придётся дружить со мной всю оставшуюся жизнь. – Так и быть, я соглашусь, но только до конца месяца, потому что потом мы открываемся и мне будет не до развлечения.

– Поверь, ему хватит и недели рядом с тобой.

– С тебя резюме. – Кивнула в ответ, поднялась со стула, немного погромела посудой и распрощалась.

А уже завтра мне позвонили в шесть утра, наверно, на тот случай, чтобы я уж наверняка была готова к десяти, на которые назначено собеседование.

– Лариса, у нас ведь всё в силе? – Заговорщицким шёпотом выговаривал Гоша.

– Разумеется. – Отвечала я, стараясь, чтобы мой голос выглядел бодро, хотя сегодня встать с настроением что-то не срослось и я всё ещё валялась под пледом, без которого не могла уснуть даже в тридцатиградусную жару, видимо, особенности одинокой жизни сказываются на привычках.

Повесила трубку и, что бы вы думали? Проспала! И не проснулась бы дальше, если бы ни Андрей, который уточнил, не заболела ли я, ведь даже он уже встал. На часах восемь, ехать на другой конец города, а ещё заскочить в парикмахерскую, чтобы выглядеть человеком и всё-таки разодрать слипшиеся от невероятного количество часов сна, веки.

Любовь ко сну сделала своё дело и на место временной дислокации я приехала с опозданием в час. Девушка,

временно заменяющая секретаря, а именно так я думаю, а не иначе (в смысле, что пока я спала, взяли другую раззяву) окинула меня лёгким презрением и сообщила, что Максим Викторович уже заждался. Так и сказала «заждался», словно гендиру заняться больше нечем, как меня ждать, но, войдя в кабинет я поняла, что именно так оно и было. Передо мной, ссутулившись в кресле, сидел этакий здоровячок, ну, никак не тянувший на звание брата, пусть и двоюродного, этого Гоши, может, он меня так разыграть решил?.. Мужчина после нескольких секунд замешательства всё же глянул на меня вымученными красными глазами, а потом тяжело вздохнул, не раскрыв рта. И я решила брать быка за рога и, не дожидаясь приглашения, уселась на место. Следовала всем правилам желающего устроиться на работу, которые усердно изучала вчера, а именно: не складывать руки перед собой, не сцеплять пальцы в замке, не класть сумку на колени, а так же много всякой ерунды вроде того, что говорить и что одевать, отчего, собственно и опоздала. Приняв правильную позу, я минутку поскучала, а потом напомнила о своём присутствии деликатным покашливанием. Раз пять. После разуверилась в его вменяемости и командным тоном, который обычно использовала только на кухне, сказанула:

– Так вы меня берёте? – И посмотрела таким взглядом, словно он уже провёл собеседование и сейчас обдумывал решение.

Только мой взгляд не помог, мужчина опомнился, выпря-

мился, посмотрел на меня и уточнил:

– Вы Лариса Читаева?

– Я.

– Вы опоздали на час.

– Не может этого быть! – Невозмутимо вздёрнула подбородок.

– Но сейчас одиннадцать, а вам было назначено на десять.

– А есть разница?

– Между десятью и одиннадцатью? – Я молчу. – Конечно есть, разница в час.

– Извините, что помешала вам спать. – Нагло заявила я, а он снова посмотрел на меня, словно впервые видит, так и ожидала его вопроса: «Вы Лариса Читаева?», но Викторович воздержался и принял положенный ему по должности деловой вид.

– Так... значит вы опытный сотрудник...

– Моё резюме у вас на столе. – Напомнила я, но он предложением не впечатлился.

– Что вы скажете о себе сами?

– А что вы хотите услышать?

– Это не верный вопрос.

– А какой нужно было задать?

– Вообще никакого, вы должны были рассказать о себе, как о работнике, грамотно выделив положительные стороны и завуалировав отрицательные. Вы что, впервые на собеседовании?

Да, правдиво могла ответить я, но это полностью пере-
чёркнёт шаткое доверие этого человека ко мне.

– Конечно, нет! – Разумно соврала я и кивнула в сторону
всё того же резюме. – Вон, какая толстая папка.

Он на неё всё же посмотрел, но, как и в прошлый раз, не
притронулся.

– Так, что вы можете о себе сказать?

– А что тут скажешь, сотрудник я, как вы заметили, опыт-
ный. С в/о, без в/п, с ж/п. – Вспомнила старинный анекдот,
но Максим Викторович снова не отреагировал, а лишь по-
смотрел на меня как на травмированную в детстве.

– В смысле, с ж/п? – Всё же решился он на вопрос и при-
клонился ближе, так как до этого в азарте сел на угол стола
рядом со мной. – Это что-то неприличное?

– Нет, это значит с собственной жилой площадью.

– А-а... – Загадочно потянул, но больше к щекотливой те-
ме не возвращался, видимо, было стыдно не знать азов юмо-
рески.

– Что-то ещё?

– Да, за что вас уволили с предыдущего места работы?

И так уверенно он задал этот вопрос, что я ему поверила.
Вот, честно. Отчего, мысленно сетуя на подлого Гошу и его
«хороших» знакомых, вкрадчиво переспросила:

– А меня уволили? – И получилось отчего-то шёпотом.

– Это вы у меня сейчас спрашиваете? – Красиво улыбнул-
ся Максим Викторович и я поняла, что передо мной не зом-

би, а вполне себе симпатичный, но замученный мужчина.

– Нет, но и утверждать я бы так не стала. Скорее, я ушла сама.

– И всё-таки, почему?

Ну? И что мне отвечать, уважаемый Гоша, что ты там понаписал?

– Скажем так, – задумчиво потянула я, и на самом деле думала, за что можно уволить сотрудника или почему я могла уволиться сама? Вспомнила своего первого работодателя и выдала частичную правду. – Я развела в предыдущей конторе такую бурную деятельность, что директору стало стыдно передо мной за свою несостоятельность, как руководителя, и он предложил мне продолжить свой путь на более высоких постах.

– Видимо, вы его не послушались.

– Почему?

– Ну, вы, как и прежде, секретарь. Будете. Если я всё же приму вас на работу.

– Вы не учли того факта, что как мой непосредственный начальник, не будете компрометировать себя тупостью и проявите чудеса эрудиции и деловой хватки. Не так ли, Максим Викторович?

На неприкрытую лесть он отреагировал как надо, то есть пропустил её мимо ушей, но мысленно плюстик мне поставил.

– Хорошо. Допустим, я вас возьму на работу, но моё усло-

вие будет не опаздывать.

– Я очень исполнительна. – Слишком поспешно ответила я.

– Но это разные вещи. Я хочу приходить на работу и чтобы меня встречала чашечка горячего кофе.

– Предлагаю брать кофе в термосе из дома, тогда ваше желание всегда будет осуществимо.

– Вы мне дерзите?

– Я предлагаю разумный выход из ситуации, которая может плохо отразиться на моей зарплате.

– Но это входит в ваши обязанности.

– Никогда не видела такого пункта в трудовом договоре.

– Тогда это будет моя личная просьба за которую вы будете получать премию – Не успокаивался он, чем меня заводил всё больше. Люблю неподдающихся.

– Пусть вам жена готовит кофе.

– Но у меня нет жены. – Без особых эмоций сообщил мой будущий начальник, что означало одно: мысленно он уже свыкся с этим фактом, осталось только подобраться и привыкнуть к жизни без неё. Всё не так плохо.

Я внимательно посмотрела на Максима Викторовича, поняла, что он очень даже ничего, покосилась на плотное бедро, которое находится в непосредственной близости от меня и заявила:

– Тогда я не буду с вами работать.

– Отчего же?

– Вы не соблюдаете дистанцию, ведёте себя непозволительно развязно для неженатого мужчины и смущаете меня своими формами.

– Вы не интересуете меня как женщина.

– Тогда уговорили, я согласна. Когда приступить?

Он рассмеялся. Натурально, заразительно, красивым мужским смехом, но ответила я только открытой улыбкой.

– Так значит, это я вас уговаривал всё это время? – Вытирая набежавшие слёзы, спросил начальник.

– А вы считаете, что должно быть как-то иначе?

В этот момент зазвонил телефон, Максим Викторович отвлёкся, а я бессовестно подслушала.

– Да, Гош, да, – говорил он с моим покровителем, – да, нашёл, можешь никого не присылать. Да, меня устраивает. – Он начал раздражаться. – Не рассказывай мне сказки, я лучше знаю, кого хочу видеть при входе в приёмную! Разговор окончен.

И, повесив трубку, уже для меня пояснил:

– Брат двоюродный звонил, подсуетить кого-то хотел на ваше место.

– Но вы сражались как лев, спасибо, я слышала.

– Надеюсь, вы оправдаете мои ожидания?

– Даже не сомневайтесь. – Кивнула я, встала, чтобы позжать эту мужественную руку и даже позволила себе подержать её чуть дольше положенного.

– Вы можете приступить к своим обязанностям прямо

сейчас, Зиночку выгоняйте обратно в отдел кадров, она достала меня своим кислым видом. Надеюсь, вы будете мне улыбаться? – Прищурился шеф.

– Если вы будете этого заслуживать. – Порадовала его ответом и отправилась на покорение новой, секретарской вершины.

Кроме полнейшего бардака за рабочим столом и разброшенных в хаотичном порядке документов, в мои владения ничего существенного не входило и за час работы кроме наведения непосредственно рабочей атмосферы, я смогла ещё и составить список необходимого, успела познакомиться с далеко нескромным штатом сотрудников. Ко мне даже местные кроты-программисты забежали на огонёк, получили пилюлю за нерабочий компьютер и обещались к вечеру сделать. Но, собственно, ничего другого им ответить и не было позволено.

– Лариса, кофе. – Вымученно промычал начальник через громкую связь, дождался моего «угу» и отключился.

Кофе из того, что я нашла, приготовить крайне сложно, поэтому пришлось воспользоваться услугами обычного чайника и растворимой гадости, и нести всю эту бурду в кабинет, но мой начальник обрадовался даже такому пойлу, вежливо поблагодарил и обещал работать как зайчик из рекламы батареек: день и ночь.

Так бы я и умирала от скуки, но боги услышали мольбы мученицы и ближе к концу рабочего дня моё сердце заби-

лось в припадке от расстройства: в приёмную зашёл он. Нет, не так. Зашёл ОН. Мужчина. Настоящий. Такой, о котором я всю жизнь мечтала. Высокий в меру (уж для моих-то метр с кепкой...), брюнет, с широкими бровями и заострённым на кончике прямым носом. Если говорить красиво, то с чувственными губами и выразительными глазами, мощный, но не толстый, а такой сбитый, плотный, у которого есть за что подержаться кроме стандартного рычага, и я мысленно застонала, получая зрительный оргазм. И взгляд его меня пригвоздил, но не лишил способности мыслить логически и разговаривать, но я всё же подозреваю, что он просто не ставил перед собой такой цели. Позволив оценить свою внешность и строгий костюм несмотря на жару, а так же идеально начищенные туфли, он довольно и хищно улыбнулся, двинулся на меня, разбивая сердце как когда-то сделал Лёня, хотя сегодня я понимаю, что жить с таким человеком как он, я бы не смогла даже будучи немой.

Я могла бы посмотреть на незнакомца томным, с поволокой взглядом, призывно приоткрыть искусанные от желания губы, невинно провести по верхней из них кончиком языка и тут же залиться краской, как девственница, а он бы чувствовал себя героем. Но он для меня не герой. Эти мужчины... такие, которых хотят все без исключения, красивые и опасные, умные, знающие себе цену и бессовестно пользующиеся производимым на женщин впечатлением. Те самые, которые для меня всегда оставались в зоне недосягаемости,

потому что я не могу допрыгнуть до уровня их взгляда, отчего оставалась за бортом... Они не существуют для меня как класс, поэтому никаких тебе взглядов и никаких приоткрытых губок. Козёл! А незнакомец, меж тем, неспешно шествовал к моей стойке, за которой я перестала имитировать бурную деятельность, чему научилась у своих подчинённых, и с улыбкой ожидала, когда же он подойдёт. И как только мужчина приоткрыл свой рот, я его прервала.

– Вы что-то хотели? – Недопустимо громко спросила я, чем, естественно, ввела его в ступор, он ведь ожидал что-то вроде: «Привет, я Лариса, а ты?..».

Запоздало осознав, что только что произошло и, разгадав мой хитрый замысел, он снова открыл рот и я снова его перебила.

– Вы к Максиму Викторовичу?

Он вытянул губы трубочкой, которые отчаянно пытались отвоевать желаемую улыбку, разглядывал меня из-под полупущенных ресниц, благо рост позволял делать это без всяких там интимных намёков, увиденным почему-то остался доволен и только после снизошёл своим величеством во всех смыслах этого слова до простой смертной меня.

– К Максиму. – Медленно, с выражением, хотя куда он там его пристроил я только удивилась, будоражащим сознание голосом, тихо, почти интимно сказал он, и я замёрзла от количества мурашек снаружи и горела от силы возбуждения изнутри. Особенно жаловалось на этот голос моё нижнее бе-

льё, которое не рассчитано на такие испытания.

— Одну минуту, я посмотрю.

И принялась листать разложенный на столе ежедневник, пока не нашла нужную страницу. Медленно, как настоящий тугодум, провела пальчиком по полупустым строчкам: видно, развод сильно ударил по Викторовичу, встреч для успешного бизнесмена, как рекомендовал его Гоша, маловато, но на пять записан Филипп Аркадьевич. Я подняла взгляд, чтобы прицениться к незнакомцу, вынесла свой вердикт и уверенно заявила.

— Тогда вам придётся подождать, на пять у него назначена встреча с Филиппом Аркадьевичем.

— Да вы что? — Снова заставив моё сердечко трепыхаться от своего голоса, прошептал этот, как я понимаю, именно Филипп и подтянул ежедневник, разворачивая его к себе. — Да, действительно, Филипп Аркадьевич, на пять.

Он посмотрел на меня смеющимися глазами, но не отошёл, не нагрубил, а всё так же продолжал играть в придуманную мною игру.

Красивый, однозначно, сводит меня с ума. Хочу, безумно, но не могу этого показать, потому что не привыкла проигрывать, а на любовном фронте делаю это с завидной регулярностью. И для себя уже давно решила, что пусть это будет единственная неудачная область применения моих способностей, согласилась со своей участью и на чужой каравай рот не разеваю, даже не пытаюсь.

Не дождавшись моей реакции, но я ведь не специально, я себя утешаю, он улыбнулся.

– Что, на Филиппа Аркадьевича совсем не похож? – Сделал он бровки домиком и губки трубочкой, я мысленно облизнулась.

– Если честно, то не очень.

Он и правда не был похож. На Жору похож, на Мишу и наверняка на Федю, но на Филиппа не тянет. Да, хорош, одет с иголочки, пахнет от него одуряюще восхитительно, не не Филипп. Вот такая ирония судьбы.

– Однако, так уж случилось, что это всё-таки я. – Словно и сам сожалея об этом, развёл руками. – Так что, я войду или мне предъявить документ?

– Лучше не стоит, потому что если я узнаю точный адрес вашей прописки, боюсь не сдержаться и караулить под подъездом.

– А может я и не против? – Хитро прищурился он и приблизился, нарушая моё личное пространство.

– Вы безжалостны, Филипп Аркадьевич, – чётко, выговаривая каждую букровку замысловатого имени, улыбалась я, а он скривился, кажется, ему и самому не нравилось это сочетание.

– Но я бы приютил. Обогрел.

– Обобрал. Нет, спасибо, идите уже к Максиму Викторовичу, сегодня я выяснила, что опаздывать к нему чревато последствиями.

– Что? Кричал? Уверен, он бы не посмел.

– Не кричал. Он уснул, не дождавшись меня, поэтому прошу. – Хозяйским жестом пригласила его к двери и была настолько благосклонна, что сама открыла её, нажав на резную ручку.

Закрыв за посетителем дверь, позволила себе расстроиться, так, как давно не позволяла. Скривила лицо, вытянула губы и была как никогда близка к слёзотечению. Вот так всегда: разбередят душу, позаигрывают, поулыбаются и сделают ручкой с шикарной длинноногой блондинкой и Люда здесь вовсе ни при чём.

Не успела прийти в себя, как меня приглашали зайти, чтобы получить заказ на напитки, но я-то знаю, что выбор у нас небольшой, поэтому без особого напряжения шагнула в кабинет.

– Я вас слушаю, Максим Викторович.

– Замечательно, – видимо, у кого-то поднялось настроение, сияет такими же ямочками на щёчках как и его братец, который не удосужился ни разу позвонить за весь день, уточнить, как мне тут работается. – Лариса, мне кофе, а Филиппу... что тебе, говори сам.

– Я и хочу... кофе.

Только на меня это его «хочу» не подействовало, даже румянец не заалел на щеках.

– Кофе нет, есть растворимый кофейный напиток.

– А почему кофе нет? – Улыбнулся Филипп, забыв, что мы уже не наедине.

– Потому что предыдущий секретарь была ленива и безответственна, а Максим Викторович слишком хорошо воспитан, чтобы ей об этом сообщить.

– Но для Максима Викторовича кофе есть? Почему нет для меня?

– Потому что Максим Викторович уже в курсе, что я принесу, и готов на такое самопожертвование, а вас я решила предупредить заранее, чтобы избежать жертв в последствии.

Хотела ещё добавить, что с таким именем и отчеством, нужно пить кофе только от профессионального бариста, но воздержалась, мало ли, может, имя – это его ахиллесова пята, подозреваю, что так и есть, но он и сам догадался о моих злых помыслах.

– Хотя моё имя вас так смущает, всё же принесите мне кофейный напиток, как и вашему начальнику, давайте сегодня ориентироваться исключительно на внешность, раз уж вас это настолько волнует.

– Две минуты. – Непринуждённо улыбнулась я, стараясь не замечать, как трясутся коленки в его присутствии.

Горячий напиток с интересным химическим ароматом я принесла и поставила на стол, расположив рядом сливки, сахар и ложечки для желающих воспользоваться этими изысками.

– Так значит, Максим, у тебя новая секретарша? – Не удержался от укола Филипп и пригубил яд в чашечке.

– Да, Лариса Витальевна мой секретарь.

– Даже так? Что же твой секретарь так плохо воспитана? Может, одолжишь мне её на недельку, перевоспитаю? – Ещё один его глоток, а для меня как ножом по сердцу: как такое можно пить?

– Что же так долго, Филипп Аркадьевич? – Заступилась я за себя сама, потому что мой начальник от такой наглости гостя завис.

– Не долго. Шёлковая вы у меня станете уже к вечеру первого дня, а остальное время я буду наслаждаться своими трудами, глядя как вы работаете.

– Вы случайно не владелец стрип-клуба?

Викторович подавился, Филя хмыкнул, а я поочерёдно смотрела на этих двоих, ожидая, когда же меня отпустят. Викторович сжалился первым.

– Идите, Лариса, дальше мы без вас.

А пока я закрывала дверь, подслушала тихое бурчание шефа.

– Ну, что ты, в самом деле, в кое-то веки попался толковый секретарь, а ты тут хвост распустил. Молчи уж, ты же знаешь, что я без секретаря как без рук.

– Не ворчи, она и правда невоспитанна.

Дальше слушать не стала, уселась за свой стол, но «ко-сынку», которую, по слухам, раскладывают все офисные бездельники, открывать не стала, а зашла в интернет почитать, что там пишут о нашем ресторане. Увиденное огорчило, но я постаралась не волноваться, поняла, что решение делать

перерыв на месяц отчасти было опрометчивым, но, с другой стороны, сантехнику ведь менять всё равно нужно. А сезон... так у нас что ни день, то сезон. И пока я себя успокаивала, совещание закончилось и Филя незаметно подкрался к моей стойке. Конечно, он, в принципе, не может быть незаметным, этот бугай, но я была настолько погружена в раздумья, что пропустила эффектное появление.

– До свидания, Лариса Витальевна. Завтра зайду на обещанный кофе. – Проворковал, лаская улыбкой.

– Я вам ничего не обещала. – Больше не балую его улыбками и намёками. Ставлю перед суровым фактом моей действительности.

– А я всё равно зайду. – Прошептал этот негодяй, и, слегка покачивая портфелем из кожи несчастного крокодила, удалился, оставив меня наедине с собственной совестью.

С одной стороны, никакого сверхъестественного интереса к моей персоне он не проявлял, стандартный набор заигрываний с заведомо недалёкой секретаршей (уж извините меня секретари, носящие это звание по заслугам, я не о вас). Не понятно отчего пропущенный шлепок по попе, который я бы в старости вспоминала со сладким щемлением в сердце, и на этом всё. А вот с другой, той самой стороны, которая нравится мне намного больше, он снизошёл, он меня заметил, выделил целых две минуты своего драгоценного времени и обещался быть завтра-с. Понятно, что по делам, но не думаю, что Викторовичу он так же эротично нашёптывая, сообщил

данную весть. Я ему понравилась, точно! Буду тешить себя этой мыслью долго и упорно, пока Филя не приложит меня этим мечтательным пяточком о свою суровую действительность, где он царь и бог, покоритель женских сердец и большой начальник, а я... я это я, без излишних комментариев.

Глава 4

До конца рабочего дня оставалось ещё полчаса и я осмелилась всецело посвятить его очередному анализу своей жизни. Не удивляйтесь, я анализирую всегда в свободное время, благо его у меня не много, оттого и мозги не загружены всяческой лабудой. Я уверена, что всегда на высоте, я убеждена в счастливом конце и, вообще, у меня всё отлично! А вот сейчас, когда вдруг образовался месяц безделья, вполне можно додуматься до чего-то нехорошего. Вот сейчас, к примеру, мне вдруг вспомнились мои любовники. Хотя нет, не вдруг, есть одна причина: я представила в своей постели (заметьте: я, в своей постели, а не себя в его, это имеет значение!) Филиппа... не нравится мне его имя, поэтому уверенно сокращаю до Фили, так и выглядит проще, и слух не режет. И представила я себе этого Филю, задумалась. Он, конечно, крепкий и выносливый, рабоче-крестьянский класс забрался в его гены слишком глубоко, чтобы исправить этот факт грамотным именем и отцом для этого самого ребёнка. Тут нужно стараться и стараться, потому что его широкая кость, чуть смуглая кожа и тяжеловесность, в хорошем смысле этого слова, зашлифуют ещё не одно поколение. Но при всей своей внешней положительности, Филя уже не мальчик, ему явно перевалило за тридцать пять, хотя, я искренне верю, что он и на границе этой цифры может

стоять уверенно. И морщинки его не портят, и косые шрамы на каждой из бровей придают определённого шарма и ощущение, что рядом с тобой не хлюпик или даже качок, а самый настоящий хищник. И гордость за любимого тут же начинает расти, и планка становится выше. Но, повторюсь, он не мальчик, и каковы его способности в самом интересном месте? Вот я, например, не смогла представить, потому что полагать, что он в постели ураган, было бы глупо, а в мужскую слабость верить не хотелось, да и держится уверенно, такие с женщинами на «ты», значит, всёж-таки ураган.

И вот на фоне этих мыслей я и вспомнила своих любовников, сразу всех, но не пугайтесь, это не моя память так хороша, а количество жертв неприлично мало. Я, натура мужчинами не увлекающаяся, хотя сама подозреваю, что вопрос тут скорее в партнёрах, а не во мне. Вот не было у меня такого, чтобы сердце щемило, чтобы дух захватывало, а были так себе, ничего, со скуки не помрёшь, но и удовлетворённой не будешь. Так и получалось, что мои мачо испарялись быстрее, чем я успевала им сообщить, как они никчемны. При этом всегда оказывалась брошена, а причину столь скоропостижного расставания всегда вешали на мой характер, чем отпугивали остальных желающих, а может, так защищали территорию, кто же их знает, этих самцов недоделанных? Только последнего я опередила, но тут был просто предел моего терпения. Ничего страшного, не подумайте, просто он не любил выбрасывать после себя презервативы, а я физи-

чески не могла выносить вида их содержимого. Прежде таких вопросов и не возникало: наследил – убери, а вот этот, который последний, взбрыкнуть вздумал, убеждая меня, что всё его внутри, а всё моё снаружи. Не убедил. Не понял. И после очередной стычки титанов, наотрез отказался убирать следы преступления, за что тут же был навсегда убран из моей жизни, телефонной книжки и из квартиры, которую снял на три часа, а пробыл в ней всего час.

И вообще, в отношениях с мужчинами я всегда была слишком радикально настроена, никаких тебе послаблений. Он – отдельно, я – отдельно, и никаких стирок, глажек и уборок. Я даже за сыном не убираю, он у меня дюже самостоятельный, а тут, на тебе, дитя великовозрастное. Оттого и отношений серьёзных ни разу не случилось, если не считать неудачное замужество. Но я не огорчена, а совсем наоборот, абсолютно уверена, что оказывалась права во всех случаях, да и не было среди них настоящего мужчины, который и сына моего заставит себя уважать и его мужчиной сделает. А Андрюха не страдал, он и сам знает, что нужно делать, чтобы стать независимым. С двенадцати лет подрабатывает, суетится, и дошло до того, что к своим пятнадцати, в моей материальной опеке не нуждается, при этом особо не напрягаясь. И я его за это уважаю и независимость его ценю, но подарки делать не отказываюсь, у нас ведь не товарно-рыночные отношения, любить сына я буду всегда.

Викторович проскользнул мимо меня практически неза-

метно, вместо должного прощания только махнул рукой, видимо, боялся, что начну клянчить аванс, но я-то знаю, с кого мне сбить положенные дивиденды, поэтому пугать моего мужчинку-начальника не буду. Всё закрыла, выключила свет и ушла раньше на целых пять минут. Такая приятная мелочь, которая подняла настроение.

А вот какой рецепт использовать для Фили, я всё же решила. Мужчина он интересный, в чём-то кажется мне необычным, поэтому и кофе будет соответственным: с чесноком и душистым перцем. Зная кое-какие секреты и следя за пенкой, которая бежит быстрее, чем у молока, из этих, на первый взгляд диковинных ингредиентов, можно сделать отличный напиток. Для думающего мужчины самое то. С самого утра, ведь опоздать дважды мне не хочется, я снарядилась всем необходимым: из личных запасов извлекла старинную турку с «историей», историю не помню, но турка мне нравится, помолола кофейные зёрна из далёкой Бразилии, специи на свой вкус, а всё остальное можно найти и в офисе. Ах, да, ещё я захватила две специальные чашечки, которые мне дарили как раз к той самой турке, и в полном боекомплекте отправилась на работу. Производить впечатление теперь было на кого, можно немного и потрудиться над внешностью.

Фили не было до самого вечера, я уж подумала, что хитрый жук так надо мной подшутил, на нервах сгрызла колпачок от хозяйской ручки, сплонула, когда поняла, что именно тяну в рот, и тогда уже заметила смеющийся взгляд ка-

рих глаз. И снова неспешная дорожка до моего стола, выразительный взгляд в ежедневник.

– Филипп Аркадьевич, к Максиму Викторовичу на четыре. – Отрапортовал он, но смутить меня не получилось, я добросовестно покопалась в записях, ничего такого не нашла, но одобрительно кивнула и зачем-то ещё добавила:

– Он вас ждёт.

Филя улыбнулся, кивнул моему милостивому дозволению и перед тем как войти в кабинет, стал в пол-оборота, тяжело вздохнул.

– И я жду обещанный кофе.

– Десять минут.

И как только дверь кабинета закрылась, метнулась на кухню, ведь десять минут для этого кофе не предел, стоит поторопиться. Немного усилий и горячий, ароматный напиток готов к употреблению.

Вошла в кабинет не постучав, за что удостоилась косых взглядов и гнетущей тишины, за время которой мне предстояло не расплескать кофе из миниатюрных чашечек, несколько раз вильнуть бёдрами, обтянутыми неприлично узкой юбкой и при этом не потерять контроль над ситуацией.

Так же быстро я вышла, но успела заметить, что один глоток Филя всё-таки сделал. Целый час тишины, и ведь даже не позвонит никто, не придёт, чтобы меня отвлечь, хоть бы напечатать что-нибудь втюхали, не сидеть же как истукан целый день! А когда дверь слишком резко и очень уж

неожиданно распахнулась, я пожалела об отсутствии занятости вдвойне, не в потолок же мне плевать, в конце концов, а они пелятся, что-то хотят.

– Лариса Витальевна, зайдите в мой кабинет. – Тихомирно проговорил Викторович полу в приёмной и юркнул обратно.

А вот Филя остался стоять, пилить меня взглядом, теперь уже не весёлым, а слишком серьёзным и настойчивым. Кое-как протиснувшись в дверной проём, который практически полностью загораживал собой этот мужчина, я закрыла за собой дверь и уверенно присела на ещё тёплое после чьей-то попы кресло. Оставшись с начальником наедине постаралась сдержанно улыбнуться.

– Я вас внимательно слушаю. – Кивнула с серьёзным видом и удивилась наличию в руках блокнота, когда только схватить успела? Видимо, профессиональные навыки вырабатываются.

Внушительно повторив свой кивок, я занесла карандаш (ну, не нести ведь сгрызенную ручку) над бумагой и уставилась на расстроенного Викторовича, который уже и разговаривать не хотел, а позвал меня, казалось бы, для отвода глаз.

– Что-то случилось, Максим Викторович? – Добавив сочувствия в голос, я даже брови сдвинула, этим самым обещая накомылять любому, кто обидел юродивого.

– Нет, нет. Всё в порядке. Вот, возьмите документы. – Слегка дрожащими пальцами он подкинул мне стопку ничем

не скрепленных листов и окончательно поник, когда они посыпались на пол, путаясь и теряя форму.

– Я подниму. Что это?

– Это? Это договор на поставки. Я занимаюсь металлом, а вот Филипп Аркадьевич является совладельцем одного из металлообрабатывающих производств.

– И откуда столько трагизма в голосе? – Уже успокоившись, что речь пойдёт о Филе улыбнулась я, откинулась на стуле и принялась слушать.

Говорил Викторovich устало, убито и так, словно он масло, которое размазали по бутерброду. Из всего лепета я выделила основную часть: ему ставят невыгодные условия, на которые он вынужден согласиться, потому что вариантов практически не оставили. В документах я всё равно ничего не смыслила, а вот развесить уши всегда готова.

– Так, в чём проблема? Скажите, что на таких условиях вы работать не намерены. И пусть этот ваш Филя идёт тихим ходом. У вас авторитет, – начала убедительную речь я, – у вас качество, у вас то, что им нужно, в конце концов, по самой приемлемой цене в городе. Я не вижу проблемы. – Эмоционально развела руками напоследок.

– Ох, Лариса Витальевна, если бы всё было так просто... Филипп – это не просто бизнесмен. Это один из сильнейших людей нашего города. И пусть в открытых отношениях с криминалом он никогда не состоял, связываться решаются немногие.

– А вы зачем связались?

– Да я и не связался. Это он ко мне пришёл. Поставил свои условия, дал время на раздумья, а вот теперь время для заключения договора.

– Надо же, а каким приличным казался. – Сказала я вроде бы для Викторовича, но думала совсем о другом.

Теперь весь расклад относительно Фили полностью менялся и от обиды хотелось реветь. Это я к тому, что раскатывать губы на авторитетов с крылышками не в моих интересах, а как хотелось. Но тут же над головой загорелась воображаемая лампочка: а почему бы и нет, если он не боится пересуд, силён духом и крепок нервами, вполне может приключиться курортный роман, правда, времени у меня меньше месяца, никакого опыта в охмурении мужчин (обычно они сами приходили) и нежелание в чём-то уступать.

– Что? – Переспросила я, когда заметила, как Викторович шевелит губами, но звуков при этом не было.

– Да, это я сам себе. – Отмахнулся и отвернулся, возвращаясь к своим мыслям.

– А я считаю, что вам нужна женщина.

– В каком смысле? Я же сказал, что вы не в моём вкусе.

– Так и вы не в моём. – И огорчилась, и заново обрадовалась я, не хватало мне ещё и таких тютей на пути.

– Это не ваше дело. – Взвился его голос к фальцету и мягкий хлопок ладони по столу нарушил интимность момента.

– Конечно, не моё, это исключительно в ваших интересах.

Я не думаю, что вы построили свой бизнес, как оказалось, серьёзный, находясь вот в таком расположении духа. Вы говорили ушла жена? Думаю, это вас и подкосило. Вам нужна другая женщина, которая будет знать, что с вами сделать.

— Да не нужно ничего со мной сделать. — Раскраснелся Викторovich, но потом снова поник и уже удобнее устроился в кресле. — Но на самом деле вы правы, с Наташей получилось нехорошо.

И Викторovich бросился в воспоминания, которые я, по большей части, снова пропустила мимо ушей. Смотрела на него и находила всё больше и больше сходств с Гошей. Не внешних, скорее, сходств характеров. И один, и другой уверенные в себе личности, спокойные, уравновешенные, но слишком слабы для защиты в моменты нарушенного равновесия. И если Гошу сбить с толку смогла я, то Викторovichа уход жены. И он потерялся в незнакомом мире. Странно, конечно, для человека, который занимается бизнесом, он наоборот должен быть стрессоустойчивым, но всякое бывает, я ведь точно не знаю, как давно он вот так себя ведёт.

— Только вот где мне её найти? — Услышала я окончание фразы и заметила морщину по центру лба, которая говорила о серьёзном мыслительном процессе.

— В театре. — Выпалила и тут же засмеялась. — А что? Там собираются женщины интеллигентные, образованные, не пигалицы, которых вы обычно снимаете в своих клубешниках.

– Лариса Витальевна...

– А что такого я сказала?! – С нажимом в голосе уточнила я, чем сбила всякое желание сопротивляться. – Я завтра закажу вам билет, а вы не вздумайте там обратить внимание на молоденькую блондинку в красном платье с разрезом во всю спину.

– А она там будет? – Нездорово загорелись глаза этого Казанова и на меня снизошло озарение. Взгляд метнулся к краю стола, на котором стояла чашечка чуть отпитого кофе.

– Будет, – совсем уж мстительно пообещала я, но мстить собиралась не Викторовичу, а тому павлину, который дал моему кофе пылиться на столе практически нетронутым. И в голову влезла уже другая мысль, ещё более радикально настроенная, чем первая. – Ждите билетов, а с контрактом не спешите.

Остывшую жижу я со злостью вылила в мойку, в урну под ней хотела отправить и чашки, но сдержалась, всё же они тут ни при чём, а как отомстить Филе, уже знала, и поможет мне в этом Аллочка.

Надеюсь, вы помните Аллочку, та самая, которая работает администратором в моём ресторане, та самая, которая ангельски красива и дьявольски сурова со своими мужиками? Мельком я упоминала, что у неё мама и маленький ребёнок, вот только жертвой Аллочка не была никогда, за что и была взята на работу, и успешно разводит на ней бурную деятельность. Аллочка из таких женщин, которые рождены

управлять, а чем управлять, таким женщинам не важно, важен сам факт. И она управляла. Сначала первым своим мужем, потом вторым, потом сотрудниками ресторана, которые боялись её и уважали практически так же, как и меня саму. А сейчас Аллочка находится в активном поиске следующей жертвы. И эту самую жертву я для неё уже нашла. Викторович мне ничего плохого не сделал, но сейчас находится в моральном упадке, что чревато для его бизнеса. Аллочка возьмёт его в ежовые рукавицы, направит, проконтролирует и мужик вспомнит, что он мужик и будет своего ангелочка носить на руках до следующего грехопадения. Красное платье с разрезом во всю спину у неё есть, а билет рядом с клиентом я органирую.

Уже следующим вечером я направила Викторовича на светлый путь исправления, а следующим утром лицезрела изменённого начальника во всей красе. Подтянутый, ровный, как струна, с гордо выпяченной вперёд широкой грудью, с задранным подбородком. О, да, так выглядят удовлетворённые мужчины и могу смело признать: так быстро Аллочка не обрабатывала мужиков никогда прежде.

– Лариса Витальевна, меня ни для кого нет. – И никаких вам унылых полутонов – строго, чётко, по делу.

А затем он на целый день закрылся в своём кабинете, а я узнала, что в нашей компании работает много народа, половина из которого кочевала между кабинетом директора и своими рабочими местами на протяжении всего дня. Уже ве-

чером, в конце работы, Викторovich едва ли не ползком выбирался из своего кресла, уставший, но довольный. Проходя мимо секретарской стойки, положил на самый край стола стопку документов.

– Отправьте Филиппу Аркадьевичу, пусть изучает. Время для согласования нюансов ещё есть, а встречу назначь ему на конец недели, не раньше.

– А...

– И никаких поблажек! Ему моё предложение выгодно в первую очередь.

– Поняла. – Удивлённо приоткрыв рот, поддакнула я, а как только услышала из коридора шум уходящего лифта, побежала к окну, из которого хорошо виден центральный вход.

На стоянке уже стоял знакомый мне красный автомобильчик, а раненый в шинель Викторovich, как только вышел, так и поскакал молодым козликом, забывая о тяжёлых рабочих буднях. Я внесла изменения в исходники и отправила их по известному мне электронному адресу Филечки. А когда собиралась выходить, прослушала настойчивую трель городского телефона в приёмной, улыбнулась, как только он звонить перестал, и уверенным движением руки дверь захлопнула. До машины шла едва ли не в припрыжку, так мне понравилась эта затея с Викторovichем.

Утром телефонная атака не то, чтобы продолжилась, она началась с новой силой, и каждый раз поднимая трубку, я выслушивала один и тот же монолог Филиппа, который убеж-

дал меня перенести встречу на «пораньше», каждый раз отвечала ему категоричным отказом и снова выслушивала заготовленную отрепетированную речь сначала. Викторovich соизволил порадовать нас своим присутствием около одиннадцати.

– Меня ни для кого нет, Лариса Витальевна. – Только на этот раз на его губах был лёгкий мазок алой помады и загадочная улыбка. Эх, и ведь никто не скажет спасибо.

– Максим Викторovich, Филипп Аркадьевич звонил три раза, ещё раз шесть, звонила его секретарь, спрашивают вас с завидным постоянством, обещаются прибыть лично.

– Что, в полном составе?

– Не в курсе. До этого я отвечала, что вас на рабочем месте нет и это правда, а что мне отвечать сейчас? – Шпарила на одном дыхании, пока Викторovich не потеряет к разговору интерес и не скроется в недрах кабинета.

– А сейчас можешь отвечать, что я на важном совещании.

– Поняла.

– И... кофе мне.

– Сейчас будет.

Не успел Викторovich закрыть свою дверь, как открылась дверь в приёмной и показался спокойный с виду, но со злыми чертами в глазах Филя. С порога окинул меня презрительным взглядом, вроде: «Ай-я-яй, как нехорошо, Лариса Витальевна» и без лишней грациозности и трепета отмаршировал ко мне, шлёпнул на стол папку, в которой я смогла

разглядеть правленные давице документы, поставил на стойку свои здоровенные ладони, расставив их одна от другой по меньшей мере на полметра, зыркнул так, что от возбуждения у меня потемнело в глазах, и молчал.

– Филипп Аркадьевич, а если я скажу, что у Максима Викторовича важное совещание, это вас остановит?

– Кофе мне! – Ожидаемо вместо ответа выкрикнул Филя, я подскочила на месте, а он уже хлопнул директорской дверью.

Сварганив на скорую руку лабуду под стратегическим названием «Латте» в кофемашине, я без зазрения совести шагнула на горящую землю, а от напряжения там и впрямь всё могло воспламениться. Викторович сидел откинувшись на спинку кресла, вполне себе расслабленно, Филя в это время сверлил его грозным нагнетающим взглядом, а слева и справа двое мужчин, один из которых точно являлся нашим юристом. Моё появление вызвало некоторую суету, перекладывание бумажек с обеих сторон заняло время и заполнило гнетущую тишину, а я в этот момент не удержалась и наклонилась к шефу.

– Если вы уступите ему хотя бы рубль, я перестану вас уважать. – И подмигнула, на что получила одобрительную усмешку и взгляд, говорящий : «не ссы, детка, всё под контролем».

Как мышь я просидела за своим столом не меньше часа, после указанного времени из кабинета, оттягивая и послаб-

для галстуки, вывалились юристы, по вискам которых едва ли не пот катился, а ещё через тридцать минут Викторovich в обнимку с Филей. Они ещё с минуту о чём-то заговорщически перешёптывались и только после этого мы с Филей остались наедине. Как интимно сейчас сказанула, аж у самой зубы свело...

А вот Филя, видимо, о интимности думал меньше всего. Не отпуская моего стремящегося удрать в сторону взгляда, он подошёл к стойке, облокотился, а если быть точной, то буквально повис на ней.

– Лариса Витальевна, за что вы меня так не любите?

– Громкие слова, Филипп Аркадьевич, не имеющие с вами ничего общего.

– А вот в предыдущий раз мне ваш кофе действительно понравился. Пощадите несчастного, не подсовывайте более сегодняшнего пойла. – Притворно тяжело вздохнул и устало улыбнулся. И всё-таки красивая у Фили улыбка, так и призывает ответить.

– И... ещё, – пару раз моргнул, добиваясь моего полного внимания, – про «... я перестану вас уважать», мне очень понравилось, правда.

Не дав прилюдно залиться румянцем, а в моём случае побагроветь, Филя удалился, ни разу не обернувшись. Так же, стоя лицом к двери, выкрикнул «до скорой встречи!» и вышел, а меня загрызла совесть. И с чего вдруг я сорвалась? Вот он не очень-то на меня и обижается, хотя потери в слу-

чае новой формы договора с его стороны едва ли не многомиллионные, а он о кофе... Стыдно, Читаева, стыдно. Не дал моей совести окончательно покончить с хозяйкой телефонный звонок. Звонила Аллочка и я естественно ответила. Оказалось, Викторович так впечатлился Аллочкиному наряду, и с заявлением, что это судьба, повёл её чуть ли не под венец, уже ночью признался в своих сомнениях по бизнесу и неминуемо наткнулся на суровый женский взгляд, после которого согласился на решительный шаг противостоять напору сторон и, судя по увиденному мной сегодня, выиграл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.